

Глава III. Мятеж и революция

“ «...Когда большие, передовые, хорошо организованные народы стали готовиться к капитуляции перед фашизмом, испанский народ принял неравный бой: Дон Кихот остался верен и себе, и человеческому достоинству».

Илья Эренбург

Как только победил «Народный фронт», консервативно настроенные генералы стали готовить переворот. Формально во главе заговора стоял эмигрировавший в Португалию генерал Х. Санхурхо, пытавшийся свергнуть республику еще в 1932 г. Реальное руководство подготовкой осуществлял генерал Эмилио Мола Видадь (псевдоним «Директор»). Большую роль играл также подавитель октябрьского восстания Ф. Франко. Уже в марте правительство заметило подозрительные приготовления и провело кадровые перестановки, которые ослабили позиции заговорщиков, но не остановили их конспираций. Удачным поводом для запуска уже подготовленного заговора стало убийство Кальво Сотело 13 июля.

Симпатизирующий заговорщикам современный историк Л. Пио Моа утверждает: «Если в октябре 34-го переворот правых был почти обречен на успех, то в 1936 г. почти все было против: власть находилась в руках левых, а армия разобщена как никогда»[163]. В своем стремлении романтизировать организаторов Гражданской войны Л. Пио Моа забывает, что в октябре 1934 г. правые и так находились у власти, так что трудно было бы увлечь консервативное офицерство на борьбу против Республики Лерруса и Хила Роблеса. Переворот назрел именно в 1936 г., потому что теперь у Франко, Молы и их единомышленников было что ненавидеть, чего бояться и что жаждать ниспровергнуть.

Восстание против переворота

17 июля Мола направил своим сторонникам телеграмму «17 в 17. Директор». В пять вечера переворот начался. Восстали части, расквартированные в испанской колонии Марокко. 18 июля мятеж распространился на Испанию. Армия брала под контроль ключевые центры испанских городов. На стороне мятежников оказались 80–85 % офицеров.

Начало мятежа военных 17–18 июля оказалось для правительства неожиданностью и дезорганизовало его работу. Капитан У. Орад де ла Торре вспоминает: «В военном министерстве не было ничего, что стояло бы на своем месте. Все было в хаосе. Касерес

Кирога, премьер министр и военный министр, был в состоянии коллапса, неспособным принимать решения»[164]. Касерес категорически воспротивился раздаче оружия сторонникам Народного фронта. Но без их поддержки путчисты имели очевидный перевес.

Не зная, что делать, Касерес подал в отставку. После короткой попытки «преьера на день» М. Барриоса найти компромисс с мятежниками, 19 июля премьер-министром стал либерал Хосе Хираль. В кабинет вошли либералы, каталонские националисты и военные, оставшиеся верными Республике. Хираль санкционировал раздачу оружия республиканцам.

Попытка военных положить конец правлению «левых» привела к немедленному контрудару со стороны профсоюзов и социалистических партий, которые только и ждали повода для драки. Они обеспечили мобилизацию общества и позднее добились раздачи оружия народу. В Мадриде и Барселоне некоторое количество оружия у левых было — они ждали только повода для развертывания революционных действий.

Первые же сведения о выступлении военных включили организационную машину НКТ на полную мощность[165]. Из «заначек» вынимали столько оружия, сколько было, но его не хватало. Как вспоминал Гарсия Оливер «в Барселоне мы только и делали, что считали и пересчитывали ружья, пистолеты и патроны, которыми мы располагали»[166]. В ночь на 18 июля отряды НКТ стали захватывать оружие на военных складах и брать под контроль улицы Барселоны. Но тут против них выступила каталонская национальная гвардия. Дело чуть не дошло до сражения между анархистами и каталонскими республиканцами. Но мятеж правых примирил их.

Утром 19 июля мятежники вышли из казарм и двинулись в центр Барселоны. С севера двигалась колонна из казарм Педраблес, с юга — из казарм Атарасанас. Солдатам объяснили, что в Барселоне начался мятеж анархистов. Северная колонна дошла до площади Каталунья и заняла телефонную станцию. Анархисты бросились штурмовать ее, и выбили мятежников. Этой станции придется еще раз сыграть роль в истории испанской революции в 1937 г.

После того, как факт военного мятежа стал очевиден, Женералитат прекратил сопротивление анархо-синдикалистам. Извечный их враг — национальная гвардия — перешла на сторону отрядов НКТ. Фактически анархо-синдикалисты возглавили сопротивление перевороту в Каталонии и Арагоне. Б. Дуррути заявил: «Нет времени на разговоры. Мы должны действовать. Мы не хотим становиться жертвами фашизма из-за паралича политиков. С этого момента НКТ и ФАИ будут направлять борьбу»[167]. Даже такой критик анархо-синдикалистов, как советский журналист И. Эренбург, признавал летом 1937 г.: «Думаю, что если бы анархисты не выступили на улицу, то в эту пору хозяевами Испании были бы фашисты»[168].

В течение нескольких часов рабочие Барселоны были вооружены. Это событие имело большое значение, так как решительным образом изменило соотношение сил в Каталонии. Но в Сарагосе рабочие не смогли захватить оружие, и этот оплот анархизма перешел под контроль мятежников. Они заняли и другие важные города Арагона — Уэску и Теруэль.

В Барселоне анархисты и республиканцы теснили мятежников. Х. Томас пишет об этом: «Офицеры, командовавшие мятежом, были неспособны что-либо поделать с революционной неортодоксальностью своих противников; второе артиллерийское подразделение, например, было окружено колонной вооруженных рабочих, которые наступали с ружьями, поднятыми вверх, и с „энергичными словечками“, призывали солдат не стрелять. Затем они убедили войска повернуть оружие против своих офицеров»[169].

В Барселону прибыл один из вождей заговора генерал Годед. Он обосновался в порту близ казарм Атарасанас. Но он ничего не мог поделать — рабочие напирали со всех сторон. Северная колонна была разбита. Порт был взят, Годеда схватили и заставили его выступить по радио. Генерал униженно просил своих товарищей по мятежу прекратить борьбу и сдаться республике. После этого выступления Годеда расстреляли. Некоторое время пулеметчики поливали огнем подступы к казармам. Но к ночи 20 июля все было кончено. При штурме казарм погиб знаменитый анархист, соратник Дуррути Франсиско Аскасо. Всего погибло около 500 человек. Центральные улицы города были завалены трупами, но в Барселоне был праздник. День победы. Никто еще не знал, что война продлится три года.

Улицы Барселоны перешли в руки вооруженных рабочих, в большинстве своем членов НКТ. Одна из лидеров анархо-синдикалистского движения Федерика Монтсени вспоминала о вечере 20 июля: «День завершился славно, в блеске огней, в революционном опьянении ото дня народного триумфа... Буквы НКТ и ФАИ были начертаны на всех стенах, на каждом здании, на всех дверях, домах и автомобилях, на всем»[170].

Активист НКТ Капдевилья вспоминал: «Это был момент, когда власть попала в руки масс. Мы в НКТ не думали делать революцию в это время, мы просто защищали себя, защищали рабочий класс»[171]. Анархо-синдикалисты еще не воспринимали происходящее как социальную революцию, но уже взяли в свои руки реальную власть.

Там, где рабочие уже 17–18 июля получили оружие, силы мятежников встретили энергичное сопротивление[172]. 19 июля генерал Фанхуль поднял мятеж в казармах Монтанья к западу от центра Мадрида. Однако толпа окружила путчистов и сначала просто своей массой преградила войскам путь к столице. Мятежники открыли пулеметный огонь по толпе, и, завалив подступы к казармам трупами, продержались до 20 июля. Сторонники Народного фронта и анархисты ворвались в казармы и перебили часть оборонявшихся. Выжившие оказались под арестом. Затем часть мадридцев на автобусах и автомобилях двинулись на Гвадалахару, чтобы не дать мятежникам выйти в тыл к Мадриду. Наступавшие с севера мятежники были отброшены и остановлены в горах Гвадаррамы. Во время этих боев в Мадриде и на подступах к нему сформировалась анархистская колонна во главе с Сиприано Мера, рабочим-строителем и соратником Дуррути еще по восстанию в Сарагосе в 1933 г. В дальнейшем эта колонна росла и стала основой сначала для бригады, затем для 14-й дивизии, а затем и для 4 корпуса, который и возглавил Мера.

В Валенсии докеры-анархисты вывели массы рабочих на центральные площади и стали требовать оружие. Очаги мятежа были задавлены в зародыше. В Толедо вооруженное население загнало мятежников в замок Алькасар.

«Красная» Астурия была отрезана мятежом от Мадрида. Власть в этом регионе перешла к губернатору Б. Томасу (одному из вождей восстания 1934 г.) и многопартийному комитету, в который вошли партии Народного фронта и анархисты. Шахты перешли в руки советов, в которые входили представители администрации предприятия и рабочих. Рядом защищалась страна Басков, сохранившая более консервативный уклад. Баски были добрыми католиками и хранителями национальных традиций. Выборы правительства и президента Хосе Антонио Агирре проводились в Гернике под вековыми деревьями баскских королей[173]. Поскольку баскская буржуазия была настроена против франкистов (а франкисты видели в баскском капитале одного из своих основных врагов), то в Басконии не получила развитие революция самоуправления, и старая администрация продолжала управлять предприятиями[174].

Весь северо-запад Испании оказался в руках врагов Республики. Заняв Сарагосу, один из центров анархистского движения, которое, однако, не смогло получить оружие, мятежники рассекли территорию Республики надвое. Но и очаги мятежа также еще были разделены республиканской территорией, часть его сил действовала в окружении.

По данным Х. Томаса на стороне мятежников оказалось около 50000 солдат (на стороне Республики — около 22000), в том числе около 10000 офицеров (в первые дни с республиканцами осталось около 1000 сухопутных офицеров), 10000 карабинеров (около 4000 остались верны республике). Большинство военнослужащих авиации (3000 против 2000), флота (13000 против 7000) гражданской гвардии (18000 против 14000), «асальто» (12000 против 5000) поддержали республику[175]. В мятеже сразу приняли участие около 14000 карлистов и до 50000 фалангистской милиции. Самая грозная сила врагов Республики — Африканская армия — 32000 хорошо по испанским меркам подготовленных бойцов — находилась в Марокко.

Из-за отсутствия офицерского состава старые военные части, оставшиеся на стороне Республики, были дезорганизованы и не могли активно действовать. Республиканская армия формировалась на ходу. Основу новой армии составила милиция — ополчение гражданских людей, которые впервые держали винтовку в руке. Английский очевидец так описывает формирование милиции в Мадриде: «Группа мужчин — членов клуба любителей домино — решает вступить в народную милицию и избирает своим начальником секретаря клуба (так как он хорошо знает всех членов клуба) и лучшего игрока в домино (так как все восхищены его талантом). Парикмахеры пригорода Мадрида тоже хотят вступить в милицию и избирают руководителем одного из парикмахеров за то, что у него есть брат в армии, а он сам награжден золотой медалью. То обстоятельство, что медаль выдана ему за стрижку, не имеет для них значения. Обе группы направляются в военное министерство и выясняют, что там все очень заняты и их не ждут. Тогда они решают отправиться на войну самостоятельно — идут в помещение политической партии или профсоюза, к которым принадлежат некоторые из них и получают винтовки, а может быть, и несколько пулеметов... Потом они садятся в какой-либо транспорт и едут на войну»[176].

При всей комичности этой картины, в поведении республиканцев была своя мудрость. Времени на мобилизацию и обучение не было. Если человек хорошо знает сослуживцев — он и командир. Затем «военная демократия» милиции позволяла выбрать новых командиров, которые будут в большей степени соответствовать обстановке.

Проблема республиканцев заключалась еще и в том, что «испанцы, не имея опыта мировой войны, не имеют в массах старых солдат с боевым опытом»[177]. Также, как отмечали советские военные специалисты, «народ здесь, несмотря на сравнительно развитую культуру, весьма беззаботен и безалаберен, большая экспансивность, но выдержки нет никакой, быстро воспламеняется, но столь же быстро поддается упадническим настроениям»[178]. В июле народ воспламенился...

* * *

Борьба с мятежом сопровождалась актами насилия и вандализма. Вся ненависть, накопившаяся у городских низов к старой Испании, вышла наружу. Бойцы левых движений и просто уголовные элементы убивали офицеров и священников, жгли церкви, которые были символом идеологического деспотизма предыдущих веков. По словам И. Эренбурга, «люди мстили за гнет, за оброки и требы, за злую духоту исповедален, за разбитую жизнь, за туман, века простоявший над страной. Нигде католическая церковь не была такой всеильной и такой свирепой»[179]. Когда Эренбург сказал своему попутчику, что не нужно было сжигать церкви — в таких хороших зданиях можно было бы устроить что-нибудь полезное, например клуб, тот возмутился: «А вы знаете, сколько мы от них натерпелись? Нет уж, лучше без клуба, только бы не видеть это перед глазами!..»[180] По мнению свидетельницы событий М. Очоа, «это были акции протеста, потому что церкви не были в глазах людей тем, чем они должны были быть. Разочарование человека, который верил и любил, и был предан»[181]. Однако центральный собор Барселоны и монастырь Педраблес были сохранены, так как революционеры признали их художественную ценность.

Сразу по окончании боев в Барселоне ФАИ принялась бороться против террора с помощью таких, например, воззваний: «Если безответственные лица, которые распространяют по Барселоне террор, не остановятся, мы будем расстреливать каждого, кто будет уличен в нарушении прав людей»[182]. Несколько активистов НКТ были расстреляны за самоуправство. Самочинные расстрелы и убийства к августу прекратились. Зато в это время набирал силу франкистский террор. «К стенке» ставили не только сторонников социализма или анархизма, но даже и людей, известных как республиканцы. Так, мятежниками был расстрелян известный поэт Ф. Гарсиа Лорка[183].

Масштабы террора с двух сторон вызывают споры. По данным расследования, предпринятого франкистами после войны, республиканцы расстреляли 55–70 тысяч человек. Современные, более тщательные расследования дают цифры выше 37 тысяч, но в любом случае ниже 50 тысяч[184]. Наиболее вероятная цифра — несколько более 40 тысяч человек. Подавляющее большинство (около 80 %) погибло в первые месяцы после начала мятежа. Затем страсти были охлаждены, и стала работать республиканская юстиция, гораздо осторожнее применявшая «высшую меру».

Пленные франкисты и активисты правых партий (особенно Фаланги), содержались в лагерях и тюрьмах. Условия содержания были лучше, чем у франкистов. Республика наказывала за расстрелы заключенных, предпринимала систематические меры к облегчению их участи (мы еще вернемся к теме республиканской пенитенциарной системы). У франкистов расстрелы

заклученных были обычной практикой на протяжении всей войны. Вот одно из свидетельств советских специалистов, побывавших в плену у франкистов: «Он видел пленных испанцев. Но не летчиков. С ними очень плохо обращались и большинство из них расстреляли»[185]. Для сравнения — свидетельство о положении пленных у республиканцев, возмущившее советских специалистов уже по противоположной причине: «Обычно захваченных фашистских пленных мы сдавали в общеевойсковой штаб, откуда их часто после небольших допросов отпускали свободно ходить по расположению наших частей»[186]. Это — другая крайность. И, хотя республиканцы, как правило, держали пленных под замком, факт характерный. Положение пленных в Республике было все-таки существенно гуманнее.

По современным испанским оценкам, «количество жертв террора, убитых или казненных мятежниками и судами нового государства сразу после окончания войны, приближается к 140 000»[187].

Говоря о различии в характере террора по обе стороны баррикад, можно согласиться с А. Виньясом: «Сразу становится ясно, что франкистский террор был навязан сверху, с высшего уровня руководства. Для начала кровавые расправы над республиканскими массами и их элитой были predeterminedены мозговым центром заговора, генералом Эмилио Молой. Он установил террор без промедления; тем не менее, это было ничто по сравнению с той формой, в которой вел военные действия генерал Франко. Он увидел в войне блестящую возможность стереть с лица земли испанских левых, неисправимых в своих грехах...

Республиканское же насилие в основе своей было следствием крушения государственного аппарата. Оно не долго длилось, но было впечатляющим, о чем свидетельствует факт убийства 6 тыс. верующих. Однако республиканское правительство с самого начала пыталось его сдерживать. И ему это удалось к началу 1937 г.»[188] В действительности даже раньше. Ведь террор сдерживало не только республиканское государство, но и общество, которое взяло на себя задачи рухнувшего государственного аппарата.

ФАШИЗМ, ПОМОЩЬ И НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО

К 20 июля стало ясно, что на большей части территории страны вооруженный народ смог блокировать и разгромить мятежные части. Восставшая часть армии и отряды фалангистов не могли обеспечить военный перевес над многочисленной милицией республиканцев. Флот и авиация в своем большинстве поддержали республику. Основные силы мятежников могли быть заблокированы республиканским флотом в Марокко. В Испании оставалось два небольших очага мятежа. В разгар событий в авиакатастрофе погиб Санхурхо. Казалось, попытка переворота кончится полным провалом. Командование мятежниками взяла на себя учрежденная 23 июля Хунта во главе с генералом Мигелем Кабанельясом. Фактически руководство мятежом все в большей степени переходило к командующему Африканской армией Ф. Франко, который сосредоточил в своих руках контакты с Германией и Италией.

«В ходе восстания мятежная территория разделилась на три части, каждая из которых находилась под командованием уважаемого генерала, и существовал риск ослабляющего соперничества, которое наблюдалось в левом лагере. Мола, как кажется, не отличался

особыми лидерскими амбициями, но, возможно, они были у Кейпо. На этом фоне успех рискованных маневров Франко поставил его выше обоих генералов в плане престижа и влияния, а позднее — и в плане фактического командования. Кроме того, Италия и Германия сразу же обратили на него наибольшее внимание. Но, вопреки мнению Виньяса, это было только дополнительным, а не решающим фактором»[189], — пишет Л. Пио Моа. Здесь мы заступимся за А. Виньяса, тем более, что его мнение опирается на весьма аргументированную позицию П. Престона[190]. Разумеется, дело было не в том, что некий генерал Франко первым «вышел» на Гитлера и Муссолини, и поэтому стал каудильо. Франко был одним из лидеров выступления и среди них оказался тем, кто сразу понял необходимость связать судьбу движения с фашистскими державами.

Роль внешних союзников мятежа оказалась ключевой — война стала частью международной борьбы. Советник немецкого посольства в Мадриде Швендеман сообщал 23 июля: «Развитие обстановки в начале мятежа... отчетливо свидетельствует о растущей силе и успехах правительства и о застое и развале у мятежников»[191]. 25 июля Гитлера достигло письмо Франко с мольбой о поддержке. Германия и Италия протянули руку помощи мятежникам в этот критический для них момент. 28 июля транспортные самолеты стали перебрасывать мятежные войска из Марокко в Испанию. Авиационное прикрытие позволило Франко переправить часть сил и по морю. Республиканский флот при этом действовал нерешительно (впрочем, как и в дальнейшем). Переброска Африканской армии на территорию Пиренейского полуострова стала критически важным фактором спасения мятежа и превращения его в полноценную гражданскую войну[192].

В 1936 г. Германия поставила мятежникам 173 самолета, Италия — 114. Вскоре стали прибывать боеприпасы, инструктора. Германия направила в зону конфликта военно-воздушный легион «Кондор». Италия «не препятствовала» отправке «добровольцев» — немедленно было отправлено около 70 тыс. человек, организованных в полки и дивизии. В декабре советский журналист 1936 г. М. Кольцов сообщил о появлении на фронте португальских частей[193].

Для Гитлера гражданская война в Испании была настоящей дипломатической находкой. Сотрудничество в Испании помогало Германии окончательно перетянуть Муссолини на свою сторону в дипломатическом противостоянии в Европе. Для Дуче Франко был идейным братом. Гитлер относился к ситуации более цинично и высказывался за затягивание войны — чем дольше она будет длиться, тем большее раздражение Великобритании и Франции будет вызывать итальянское вмешательство. Сама Германия действовала осторожнее, ограничиваясь посылкой авиации, инструкторов и финансированием каудильо. Франко понимал, что если Италия — реальный союзник, то Гитлер играл на европейских противоречиях, стремясь затянуть испанскую трагедию. Во время Второй мировой войны Франко отплатил Гитлеру той же монетой, уклонившись от прямого участия в войне.

Помощь стран «Оси» помогла мятежникам оправиться от первого удара, полученного в июльские дни. И тут стало ясно, что республиканская милиция, превосходившая армию в условиях противоборства в городах, не может вести наступательную войну. Попытка наступления милиции НКТ на Сарагосу не удалась. Здесь фронт стабилизировался. В других регионах, где милиционная система не опиралась на прочную синдикалистскую структуру в

тылу, милиция не могла организовать и достаточного сопротивления фронтальному наступлению армии.

* * *

Военное искусство развивается по закону смены преобладания средств наступления и защиты. Копье можно остановить прочным щитом и доспехом, доспех пробивает пуля, линейную тактику ломает массовая армия, ее порыв останавливают пулемет и окопы. Во время Первой мировой войны технические средства обороны были более развиты, чем средства наступления, что позволило создавать прочные фронты, пробивание которых было невероятно тяжелой задачей. Отсюда «застойность» Первой мировой, которая вплоть до Второй мировой войны определяла военную моду в Западной Европе. Но на востоке Европы уже был опыт Гражданской войны в России — маневренной, полной драматических перемен. Революционная война вообще тяготеет к маневренности. Массовые армии, непрочные тылы враждующих армий — все это способствует драматизму событий и быстрому перемещению войск. Эпоха моторов дала этой стратегии материальную подкладку.

К Гражданской войне в Испании были прикованы взоры военных специалистов: какая стратегия возобладает — революционной войны, подобной Российской «гражданке», или позиционной мясорубки, как Первая мировая? Мы увидим, что ответ на этот вопрос зависел не только от военных, но и от политических обстоятельств.

Испанская гражданская война начиналась как мобильная. Все было перемешано: здесь победили мятежники, там — республиканцы. В августе мятежники контролировали Кастилию, но на юге располагали лишь небольшим плацдармом. Перед ними лежала Андалузия. Здесь крестьяне были заняты социальной революцией, а не организацией армии. У местных анархистов и социалистов не нашлось организатора, подобного Дуррути, который сосредоточился бы на укреплении фронта.

Высадившиеся с итало-германской помощью в Испании части Африканской армии во главе с Хуаном Ягуэ в начале августа двинулись на север, в сторону территории, находящейся под контролем Мола. Опираясь на Севилью, марокканцы 10 августа взяли Мериду и 14 августа — Бадахос. Одновременно другая часть африканцев под командованием генерала Хосе Варелы завоевала Андалузию, деблокировав гарнизоны Кордовы и Гранады.

20 августа франкисты двинулись на Мадрид. Под Медельином Ягуэ столкнулся с республиканской армией Эстремадуры генерала Рикельме. Однако у Ягуэ были лучшие испанские войска, обстрелянные и спаянные во время колониальной войны в Марокко, профессионалы своего дела. Им противостояли разрозненные части, оставшиеся верными республике, и многочисленная, но еще совершенно не научившаяся воевать милиция. Главной силой франкистов в этой ситуации была способность скоординированно маневрировать (чему республиканцы еще не научились). Мятежники сумели обойти позиции Рикельме, и тот приказал отходить. Анархисты не подчинились и с 2000 бойцов атаковали трехтысячную группировку Ягуэ при Сан-Висенте. Но эта храбрая атака лишь ненадолго могла задержать движение франкистов.

Республиканцы сосредоточились в Талавере-де-ла-Рейна, но и здесь повторилась ситуация с Медельином, только уже без контратаки анархистов — они не хотели зря проливать кровь, зная, что их не поддержат. 3 сентября Ягуэ обошел город, что вызвало паническое отступление. Взяв Талаверу, франкисты получили возможность объединить свою территорию, занятую в июле-августе на севере и на юге Испании. Отныне запад Испании контролировали франкисты, а восток — республиканцы. На севере продолжала держаться республиканская зона в Астурии и стране Басков. Но войска Мола взяли Сан-Себастьян и таким образом обеспечили себе удобные коммуникации снабжения из Германии.

Перед решающим наступлением на Мадрид Франко должен был отвлечься на взятие Толедо — иначе республиканцы оказались бы в тылу у наступающей на Мадрид армии.

Республиканцы контратаковали — 24 сентября нанесли удар от Эскалона с севера по наступавшим на Толедо частям и взяли Македу. Франко пришлось остановиться и отбиваться.

Толедо был взят 27 сентября без значительного сопротивления. Большое моральное значение имело освобождение от осады франкистского гарнизона Алькасара. Ссылаясь на Алькасар, можно было доказывать, насколько участники «крестового похода» против республики храбрее республиканцев. Но это сравнение было уместно чуть больше месяца — до битвы за Мадрид.

* * *

1 октября 1936 г. Франко был провозглашен новым главой государства, каудильо и генералиссимусом. 18 ноября фашистские государства признали Франко законным правителем Испании.

Франко поддержала консервативная Испания, живущая католическими традициями, мечтавшая о возвращении средневекового могущества страны и с благожелательным интересом наблюдавшая преобразования в Италии и Германии.

Каудильо стремился оставаться «отцом нации» и, со временем, восстановителем монархии. Он нашел политическую опору в лице консерваторов СЭДА (тем более, что их вождь Хиль Роблес покинул Испанию), карлистов (твердых сторонников монархии, когда-то боровшихся против Бурбонов) и особенно — фашистской «Фаланги и ХОНС». Лидер «Фаланги» Примо де Ривера 20 ноября был расстрелян республиканцами. Новый лидер Фаланги Мануэль Эдилья не обладал харизмой основателя движения и взял курс на подчинение фаланги Франко. Тот был не прочь взять в свои руки фашистскую организацию (и как инструмент управления, и как доказательство своего фашизма, необходимое для сохранения благосклонности Муссолини), но при условии полного подчинения фалангистов ему лично.

Хотя Франко и его генералы самоидентифицировались весьма многозначным термином «националисты», их идеология проявила свой фашистский характер, родственной итальянскому фашизму. Франко прямо и публично заявил в марте 1937 г.: «Для нас

парламентаризм — причина нашего несчастья. Мы установили цеховой режим, который с малой разницей будет аналогичен режиму Италии и Португалии»[194]. Обращаясь к итальянскому послу, Франко снова подчеркнул эту мысль: «Итальянский народ, несомненно, однороден с нами в идеях, и поэтому понял и чувствует испанскую трагедию»[195].

Не только каудильо, но и его генералы в этот период исповедовали отчетливо фашистские взгляды. Гонсало Кейпо де Льяно стал искоренять «классовую борьбу» фашистскими методами. На подведомственном ему юге Испании он ликвидировал профсоюзы и в феврале 1937 г. создал «Делегацию труда» из «представителей рабочих» всех отраслей. Они должны были вести переговоры с представителями предпринимателей в палатах «Агрикультуры и торговли» и «Морской и промышленной индустрии». Такое странное соединение отраслей объяснялось, вероятно, тем, что генерал хотел свести число палат к минимуму. «Председателями этих палат остаются назначенные мною лица, являющиеся делегатами моего авторитета»[196], — разъяснял генерал.

Развернутое изложение своих взглядов дал генерал Мола, выступая по радио Саламанки 27 февраля 1937 г. По его мнению, нынешнее движение устойчивее предыдущих, в том числе авторитарно-монархических режимов Испании. Каждый из предыдущих испанских режимов имел фундаментальные недостатки. Монархия пала «вследствие отвращения и презрения, которое чувствовали подданные по отношению к правителям»; М. Примо де Ривера, при всем уважении к его диктатуре, «не смог определить цель ее осуществления», деятели республики — рабы еврейского и масонского интернационализма — забыли, что в пробудившихся к общественной жизни слоях «традиционный дух коллективной души крепче, чем материалистическое властолюбие». В отличие от всех этих примеров, националистическое движение во главе с Франко имеет ясные цели, опирается на традиции страны и пользуется поддержкой всех классов. «Это доказывает энтузиазм, который все растет у масс, подтверждает постоянный прилив добровольцев (на деле как раз в это время Франко произвел мобилизацию пяти возрастов — добровольцев уже не было — А. Ш.), утверждают бури аплодисментов, с которыми встречает каждый раз публика нашего генералиссимуса»[197].

В программе движения, изложенной Молой, мы снова встречаем «цеховую организацию отраслей промышленности», которая предотвращает возникновение «классовой борьбы — этой создательницы ненависти и главной причины слабости государства». Впрочем, «подавив классовую борьбу» на своей территории с помощью фашистских структур и террора, франкисты не избавились от ненависти. Их целью было не столько преодоление социальной ненависти, сколько сильное государство, которое обеспечит «признание исторической роли Испании и ее преимущественного положения среди свободных стран...». Как и другие фашисты, Мола выступал также за частную собственность (с характерной оговоркой «защита гражданина от эксплуатации капитала») и государственное регулирование промышленности[198].

Пропагандистская машина франкистов еще сильнее была ориентирована на социальные лозунги, пытаясь «перебить» этот «козырь» республиканцев. При этом франкистам было важно доказать, что не их, а республиканские социальные обещания являются демагогическими.

В сброшенной над Овьедо листовке, подписанной Франко, франкистские пропагандисты не стеснялись откровенно лгать от имени каудильо: «Столица и почти вся территория Испании в наших руках». Они обещали солдатам противника: «У нас вы будете иметь настоящую социальную правду, мир и работу»[199]. В то время, когда идет война, в тылу Республики процветают богатство и торговля[200]. Испанское золото поделили Россия, масоны и евреи.

Поскольку в это время в Республике уже развернулись глубокие социальные преобразования, франкисты критиковали Республику в целом, включая и период до прихода к власти Народного фронта: «В течение этих лет снижались цены на скот, на сельскохозяйственные продукты, вас эксплуатировали посредники и касики, в то время, как за ваш счет в городах росла бюрократия». А вот национальное движение «освободит поля от касиков, от эксплуататоров, поднимет цены на продукты вашего сельского хозяйства, создаст богатство, новые источники труда и производства; обеспечит для всех рабочих семей справедливый и достаточный рабочий день; облегчит превращение земледельцев в собственников, будет создавать и сохранять настоящие богатства и изгонит из испанского общества эксплуататоров и паразитов»[201]. Чем не программа левых «разжигателей классовой борьбы», ради искоренения которых генералы и начали Гражданскую войну.

На практике в зоне Франко не происходило никакого «изгнания эксплуататоров». Разве что осуществлялись меры по регулированию сельскохозяйственных цен (что привело к развитию черного рынка) и умеренные солидаристские меры. Из-за продовольственных трудностей власти пытались ограничить потребление, вводя «патриотические посты». Вводились косвенные налоги, производился «добровольный» сбор ценных вещей и сбор средств на «дни единого блюда», чтобы накормить нуждающихся. При этом «за недостаточные пожертвования в фонд единого блюда» обыватели штрафовались, о чем сообщалось в газетах[202].

В армии тоже культивировалась сплоченность между солдатами и офицерами. Республиканская пропаганда сообщала, что офицеры-фалангисты живут с солдатами, головой отвечают за состояние дисциплины и стойкость бойцов, живут надеждой на привилегированное положение после победы. Ведется эффективная романтически-героизаторская пропаганда[203].

Набор взглядов и действий Франко, Моли и Кейпо вполне соответствует критериям именно фашистских режимов[204]. Это составляет большую проблему для нынешних адвокатов Франко и франкистов. Л. Пио Моа пишет: «Позднее страсть к борьбе, всемирный кризис либерализма и влияние европейских фашистских движений придали восстанию некоторые фашистские черты, которые никогда не достигали полноты итальянского фашизма и, тем более, немецкого нацизма»[205]. И в чем же это «некоторые фашистские черты» франкизма не достигли «полноты итальянского фашизма»? Муссолини создал корпоративную социально-политическую систему через несколько лет после прихода к власти, в конце 20-х — начале 30-х гг. Франко-уже в ходе Гражданской войны. Дуче делил власть с королем и монархическими кругами (которые отстранили его от власти, стоило Италии оказаться в затруднительной ситуации), а каудильо сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Итальянские фашисты много лет боролись с оппозицией методами арестов, издевательств и отдельных казней. Франкисты сразу пошли по пути массового террора. Фалангизм Франко

оказался жестче итальянской разновидности фашизма и в сфере идеологического контроля, использовав институты католичества. Итальянский фашизм — проба пера, испанский — зрелое произведение, отстающее разве что от «классики» нацизма.

* * *

После смерти генерала Мола 3 июня 1937 г. в авиакатастрофе и успехов в боях на северо-западе страны Франко уже меньше опасался своих генералов.

«Испанская традиционалистская фаланга и ХОНС» фактически стала правящей партией, но ее руководство претендовало на самостоятельность. Франко решил, что пора покончить с остатками плюрализма в стане националистов и слить все политические группы в Фалангу, а фалангистов поставить под свое начало, как армию. Но «хэфе» Фаланги Эдилья критиковал монархизм Франко, считал необходимым после войны проводить более «левую» социальную политику[206]. Можно было бы и пожалеть противников после победы (подобные идеи высказывал и генерал Ягуэ). Франко не собирался мириться с тем, что кто-то будет «смягчать» его позицию.

Через своих людей Франко поощрял разногласия между фалангистскими вождями, которые, почувствовав близость абсолютной власти, были готовы решить спор вооруженной силой. 16 апреля товарищи покойного Хосе Антонио Примо де Ривера Аснар, Давила и Морено попытались сместить Эдилью, опираясь на отряды фалангистов. Эдилья собрал своих сторонников. Саламанка оказалась на грани «гражданской войны в тылу гражданской войны» — почти как Барселона в мае 1937 г. Эдилья попытался арестовать своих противников, вышла перестрелка, погибло по одному активисту. Противники Эдильи были арестованы при помощи армии. Казалось, что он станет правой рукой Франко в объединенной Фаланге. 19 апреля была провозглашена «унификация» — все легальные политические силы националистов (прежде всего, карлисты) входили в Испанскую традиционалистскую Фалангу и ХОНС, которую теперь возглавлял Франко. Отряды фалангистов распределили по фронтам. Эдилью сделали рядовым членом Политсовета. Тот был возмущен, отказался принять этот пост, а по некоторым данным, даже предпринял шаги к сохранению прежней фаланги[207]. Франко счел это подготовкой мятежа, и Эдилья был арестован. Ему вменили в вину беспорядки 16 апреля, и «хэфе» был приговорен к смерти. Потом смертную казнь заменили тюрьмой, где оказалась и часть его сторонников.

* * *

Франко провозгласил программу государственного регулирования экономики. Во время гражданской войны эта политика проявила себя прежде всего в сельском хозяйстве. По словам испанского историка С. Барсьелы, «земледельцы часто оказывались в ситуации полной неопределенности в отношении цены, которую они должны были получить за свое зерно. Иногда госцена объявлялась в разгар сбора урожая, и часто Национальная служба зерна прибегала к ее увеличению с обратным действием на короткое время в период тяжелой нехватки зерна. Также не соблюдался принцип неизменности системы цен

в течение длительного периода. Так как Служба упорно и любой ценой старалась поддержать низкие и стабильные твердые цены, а земледельцы уходили из-под этой системы, Служба... установила твердые стабильные базовые цены, которые дополнялись рядом премий без какого-либо экономического обоснования... Кроме того, Служба допустила одну из худших ошибок, которую можно допустить в системе цен: установление различных цен за одинаковый продукт. Можно без преувеличения утверждать, что именно правительство и ввергло рынок зерна в ужасную путаницу. Установление премий без экономического обоснования привело к тому, что уплаченные цены могли колебаться от 84 до 224 песет за квинталь. Собственно Служба признала, хоть и слишком поздно, эту чудовищную ошибку: „Эти различные премии приводили к установлению различных цен за зерно одинакового качества и существенно стимулировали развитие подпольного рынка“. Тем не менее, как было указано выше, худшим в этой системе и тем, что определенно привело к депрессии производства, было отсутствие цен, покрывающих издержки, политика низких твердых цен. Можно заключить, что ошибки и недостатки системы вмешательства в сельское хозяйство в контексте общей и экономической политики, неблагоприятной для экономического прогресса, в большой степени определили производственный крах сельского хозяйства Испании, который начался в годы конфликта и продолжился в течение бесконечного послевоенного периода»[208].

19 марта 1938 г. по образцу фашистской Италии была принята «Хартия труда», а 9 апреля 1938 г. — закон о труде, введившие корпоративную систему регулирования трудовых отношений, при которой государство руководило «вертикальными синдикатами», объединявшими работников и работодателей. Так были заложены основы послевоенного социального государства Испании. Франкистский режим развивался по фашистскому пути.

* * *

По подсчетам испанских историков, 60 % жителей Испании «остались на республиканской территории и 40 % — на территории националистов. Правительство Республики контролировало 22 столицы провинций, тогда как мятежники — 28.

Экономическая структура также оказалась очень различной, так как в начале конфликта около 30 % сельскохозяйственной продукции приходилось на республиканскую зону, а 70 % — на территорию националистов. Напротив, 80 % промышленного производства располагалась в республиканской зоне, и 20 % — на территории националистов. Другими словами, территория республиканцев соответствовала 70 % государственного бюджета, против 30 %, которые приходились на территорию националистов»[209].

Однако вмешательство в конфликт фашистских государств резко изменило соотношение сил между «двумя Испаниями», за спиной одной из которых встали две великие державы.

Военная промышленность Испании была слабо развита, современное оружие можно было только купить за границей. 24 июля Испания запросила дружескую Францию о возможностях закупки вооружений. Блюм ответил согласием: почему бы нет, подавление мятежа — внутреннее дело Испании. 23 июля министр авиации П. Кот с одобрения Блюма

предложил поставить в Испанию 20–30 бомбардировщиков. Поставки готовились в тайне, но испанский военный атташе в Париже А. Барросо решил посодействовать мятежникам и сообщил о предстоящих поставках прессе. Противники Народного фронта подняли скандал — Франция решила вмешаться в дела соседней страны! Французский премьер Блюм слыл пацифистом, но он же был и лидером Народного фронта Франции. Как пацифист, Блюм не хотел «разжигать войну» в соседней стране, как социал-демократ — хотел помочь Народному фронту Испании.

Одновременно Хираль стучался и в другие двери. Он просил горючее и оружие у англичан, СССР, а сначала даже у немцев[210]. Уже 22 июля Сталин принял принципиальное решение о продаже Испании горючего по льготной цене[211]. Однако к практической реализации этого решения советское руководство подошло только в середине августа. Обстановка опять изменилась.

Интернационализация конфликта в Испании оказалась неожиданностью для европейской дипломатии. Сначала казалось, что дело быстро решится или победой переворота, или его разгромом. Вместо этого началась затяжная война, причем во многом — из-за внешнего вмешательства. Теперь с этим нужно было что-то делать.

В этой ситуации 23–24 июля Блюм прибыл в Лондон, чтобы обсудить возможности политики невмешательства, которая могла бы предотвратить помощь участникам внутрииспанского конфликта. Блюму казалось, что этот пацифистский план сможет остановить вмешательство Германии и Италии в обмен на обещание Франции и Великобритании не помогать Республике. Таким образом Франция избегала угрозы конфликта с Германией и Италией к югу от своих границ.

25 июля — 9 августа французское правительство то запрещало, то снова разрешало продажу французского оружия Испании. За это время Кот протолкнул первую поставку.

До начала советской помощи Республика получила 17 истребителей и 12 бомбардировщиков, по качеству уступающих немецким и итальянским.

2 августа итальянский самолет, летевший на помощь франкистам, сломался и вынужден был сесть во французском Алжире. Франция узнала, что конфликт уже не носит сугубо внутреннего характера. Казалось бы, нужно было возмутиться и усилить поддержку Испании, которая, по сути, оказалась жертвой агрессии. Но французскому правительству совсем не хотелось ссориться с Италией. Конфронтация с ней, да еще в условиях неприязненного отношения Великобритании к революционной Испании, грозила Франции изоляцией.

2 августа Франция обратилась к Великобритании и Италии, а затем ко всем заинтересованным странам, включая Германию, СССР и США, с предложением организовать режим «невмешательства» в испанские дела, полностью исключив поставку в этот очаг конфликта военных материалов. Это было бы выгодно Испанской республике, так как она в августе меньше нуждалась в помощи, чем Франко. Германия обусловила свое участие в «невмешательстве» тем, что к нему должен присоединиться также СССР. Для французской

дипломатии было важно привлечь к соглашению СССР, и она снискала успех — в этот момент Франция для советского руководства была важным партнером по «коллективной безопасности». СССР боялся вернуться в положение международной изоляции, а «невмешательство» становилось клубом держав, допущенных к участию в испанских делах. Чтобы ни у кого не возникло сомнений в необходимости пустить СССР в этот клуб, 2 августа были начаты массовые демонстрации солидарности с Испанской республикой и сбор средств в помощь ей. В этот период помощь Республике увязывалась с кампанией демократических сил в мире. Как говорилось в докладе замзавотделом ИККИ П. Шубина 7 августа, «Гитлер и Муссолини стремятся сорвать морально-политическую и материальную помощь, которую народные массы во всем демократическом мире начали оказывать испанскому народу и его законному правительству. Нам надо спешить с этой помощью»[212].

Подобные сигналы поступали руководству СССР и по линии разведки. 7 августа заместитель начальника Разведуправления РККА комдив Никонов и полковой комиссар Йолк делали следующие выводы: «Судьба Народного фронта в Испании в значительной степени зависит сейчас от внешнего фактора. По соотношению внутренних сил Народный фронт имеет сейчас явные шансы на победу.

Однако, в виду помощи мятежникам со стороны германского и итальянского фашизма перспективы Народного фронта значительно ухудшаются. Неполучение Мадридом существенной поддержки извне может иметь тяжелые последствия для исхода борьбы»[213].

Получив предложение Франции о невмешательстве, заместитель наркома иностранных дел Н. Крестинский советовал Сталину: «Мы не можем не дать положительный, или дать уклончивый ответ, потому что это будет использовано немцами и итальянцами, которые этим нашим ответом будут оправдывать свою дальнейшую помощь повстанцам»[214]. Советское руководство склонялось к поддержке «невмешательства», но при этом оказывало невоенную поддержку Республике. 17 августа Политбюро постановило продать Мадриду мазут на льготных условиях[215]. Теперь мазут пошел в Испанию.

Чтобы проще было координировать помощь, были оперативно установлены официальные дипломатические отношения между Испанией и СССР (которых раньше не было), и 24 августа в Мадрид прибыл советский полпред М. Розенберг. В Москву был направлен посол М. Паскуа.

15 августа соглашение о «невмешательстве» было подписано Великобританией и Францией. 21 августа об участии в «невмешательстве» заявили Италия и Португалия, 23 августа — СССР, 24 августа — Германия. 9 сентября 1936 г. был создан Международный комитет по невмешательству, в который со временем вошло 27 государств. При этом, как отмечает В. В. Малай, «политическая наивность — полагать, что помощь прекратится — не была свойственна никому из европейских лидеров, начинавших непростую игру под названием „невмешательство“»[216].

А. Виньяс считает, что «республиканцы совершили чудовищную ошибку, когда не оказали жесткого сопротивления принятию Лигой Наций Пакта о невмешательстве»[217]. Но кто бы

стал считаться с мнением Испанской республики, когда по этому поводу определились Лондон и Париж? Через два года Чехословакия окажет «жесткое сопротивление» заключению Мюнхенского пакта, и ее представителей просто выставят за дверь. С того момента, как Франция нашла для себя выход в «невмешательстве», остановить проведение этой политики было нельзя. Испания должна была сопротивляться международному произволу не на дипломатическом паркете, а на полях сражений. И она делала это.

Бурная дипломатическая активность вокруг испанской трагедии создает у некоторых авторов впечатление, что судьба Испании решалась не в Мадриде[218]. Именно из этого и исходили «вершители судеб мира» в Лондоне, Париже, Берлине и Риме. Кто такие эти испанцы, чтобы решать свою судьбу?! Но дипломатические игры три года буксовали, потому что судьба Испании решалась хоть и не только в Мадриде, но в Мадриде — не в меньшей степени, чем за пределами Испании. Потому что если бы республиканцы не остановили франкистов под Мадридом, в европейских кабинетах по «Испанскому вопросу» нечего было бы даже обсуждать. Те авторы, которые убеждают нас, будто «Испанская война выигрывалась и терпела поражение не в Бургосе и Мадриде, не у Теруэля или вдоль Эбро, а в кабинетах Европы»[219], пытаются доказать бессмысленность сопротивления воле мироправителей. Получается, не нужно было лить кровь на полях сражений. Достаточно было покорно ждать, что решат в европейских кабинетах. А там уже осенью 1936 г. решили — сопротивление Республики бессмысленно, оно мешает умиротворению. Но оно продолжало мешать. И в этом было его глубокое значение. Это к октябрю осознало советское руководство. Испания приняла на себя удар фашизма — и не сдалась. Начинается сражение на дальних подступах. Следует помогать Народному фронту, потому что он уже начал войну, к которой готовился СССР.

Сейчас, когда мы знаем дальнейший ход событий, включая позор Мюнхена и капитуляции Франции 1940 г., позиция СССР предстает и как более благородная, и как более разумная. Умиротворение провалилось.

Но в 1936–1938 гг. у него были шансы на успех (хотя, вероятно, этот успех был бы страшнее провала 1939–1940 гг.), и успех этот заключался в перенаправлении энергии германской агрессии на восток[220]. А Испания, оказав это «досадное» сопротивление фашизму, смешивала карты, направляла внимание Гитлера совсем не туда, куда «следовало» — на запад. Это геополитическое мышление умиротворителей настолько подводило их, что они готовы были поставить Францию в окружение фашистских государств, лишь бы те обратили потом взоры прочь от Пиренеев.

Но для СССР и по идеологическим, и по внешнеполитическим соображениям было принципиально важно, чтобы Республика не была разгромлена. Сталин решил протянуть ей руку помощи, хотя бы и через всю Европу, где многие хотели бы эту руку «укусить».

Всерьез «невмешательство» собирались выполнять только либеральные режимы, особенно Франция, перепуганная близостью к ее границам войны и революции.

Единственной страной, которая в силу своей удаленности от Германии, Италии и Японии могла не просто помогать Испанской республике, но делать это открыто, была Мексика.

Президент Карденас говорил в марте 1937 г.: «Нам нечего скрывать нашу помощь Испании, мы будем продолжать снабжать ее оружием»[221].

Однако пример Мексики (которая в то же время предоставляла прикрытие и для советской помощи) служил укором для СССР, что использовалось оппонентами коммунистов. Как писала «СНТ» 10 марта: «Мексика не принимала участия в сделках контрольной комиссии и отозвала своих послов из Берлина и Рима потому, что считала, что из этих стран отправлялись в фашистскую Испанию регулярные армии»[222]. Впрочем, критики СССР могли бы догадаться, что Мексика, не обладавшая развитой военной промышленностью, является посредником. Уже 6 сентября Сталин дал указание Кагановичу изучить возможность переправки самолетов в Испанию под видом закупок в Мексике. 14 сентября по указанию политического руководства иностранный отдел НКВД и Разведуправление НКО разработали план «операции X» — отправки военной помощи Испании[223].

Германия и Италия были ближе и могли спокойно перебрасывать военные материалы и войска через Португалию. Португальский диктатор Салазар активно поддерживал Франко, и проконтролировать переброску «нелегальных грузов» через португальско-испанскую границу было практически невозможно. Более того, осенью 1936 г. полиция Бордо вскрыла контрабанду французского оружия (бомб) в пользу Франко[224].

Советский Союз был далеко, а Италия — близко. Транзит грузов из Германии и Италии в Португалию и дальше к Франко шел гораздо интенсивнее, чем полулегальные поставки, организованные СССР. В результате Франко получил очевидную выгоду от политики «невмешательства». Приобретя боеприпасы и авиацию, франкисты стали стремительно продвигаться вперед.

Осознав, что политика невмешательства не способна помочь Республике, советское руководство 26 сентября приняло решение об оказании военной помощи Испании. Сделано это было не без колебаний — еще накануне советская сторона давала понять республиканцам, что не заинтересована в эскалации конфликта и опасается расширения интервенции фашистов[225].

7 октября 1936 г. советский представитель С. Б. Каган выступил с разоблачением грубых нарушений соглашения о «невмешательстве» Италией, Германией и Португалией. Он констатировал, что в условиях постоянного потока помощи мятежникам, в частности, через Португалию, соглашение о невмешательстве фактически не действует. Если это не прекратится, если нарушения в Португалии не будут расследованы, СССР грозил выходом из соглашения.

Первый пароход с советским оружием прибыл в Испанию 14 октября (десятью днями ранее советское оружие привез испанский пароход). С этого времени СССР, Германия и Италия вмешивались в конфликт в Испании почти открыто. Поставки по воде были связаны с большим риском, так как итальянцы развернули в Средиземном море подводную войну. В ноябре 1936 г. в результате атаки Картахены подводными лодками был поврежден крейсер «Мигель Сервантес». Министр авиации и флота Прието комментировал: «Мятежники никогда не располагали собственными подводными лодками»[226]. Сомнений не было — это

были итальянцы. 14 декабря 1936 г. фашистами был потоплен пароход «Комсомол».

Впрочем, СССР не собирался выходить из соглашения по «невмешательству», которое в октябре 1936 г. не соблюдали ни Германия, ни Италия, ни сам СССР. Во-первых, необходимо было сохранять с таким трудом налаженные отношения с Францией как с потенциальным союзником против Германии в Центральной и Восточной Европе (французы предупредили, что в случае столкновения СССР и Германии в Испании советско-французский пакт действовать не будет). Во-вторых, СССР не хотел в это время выглядеть международным буяном, срывающим миротворческие инициативы. В-третьих, механизм «невмешательства», как казалось, позволяет хотя бы отчасти контролировать и сдерживать вмешательство Германии и Италии. В действительности, поняв, что французские демократы предали испанских демократов из страха перед войной и революцией, фашистские державы в Испании практически не стеснялись в действиях.

23 октября на заседании Комитета по «невмешательству» СССР заявил о том, что ввиду систематических нарушений другими странами соглашения о невмешательстве советское правительство не может считать себя связанным им в большей степени, чем любой из остальных участников этого соглашения. Таким образом, СССР провозгласил, что будет соблюдать соглашение в той же степени, что и Германия и Италия. То есть — в минимальной.

Впрочем, британская дипломатия, игравшая ведущую роль в Комитете, не склонна была ставить большевиков на одну доску с уважаемыми Германией и Италией. Так, на заседании Комитета 28 октября лорд Плимут добился утверждения резолюции, признающей необоснованность советских обвинений против Италии и Португалии. Вместе с тем, Комитет принял к сведению 15 из 20 пунктов итальянской ноты против СССР[227].

Согласованные Комитетом меры контроля за военными поставками в Испанию, принятые 15 февраля 1937 г. при фактическом игнорировании советских предложений, касались прежде всего испанских портов. При этом поставки по воздуху и через Португалию не контролировались. Это значит, что «невмешательство» было направлено прежде всего против помощи Республике.

Обобщая для советского руководства ход военных действий на море, капитан второго ранга Алафузов писал, что различие в положении двух сторон заключается в том, что фашистские перевозки производились на итальянских и немецких судах под прикрытием итальянского военного флота, на который республиканцы не могли напасть, а «перевозки оружия в республиканские порты производились почти исключительно на республиканских торговых судах, и уже это полностью развязывало руки фашистам... Все это привело к тому, что роли в борьбе на коммуникациях распределились таким образом, что республиканцы остались стороной, борющейся за сохранение своих коммуникаций и ни в какой мере не посягающей на коммуникации противника, фашисты — стороной стремящейся нарушить коммуникации противника и нисколько не озабоченной защитой своих коммуникаций»[228].

Таким образом, уже к октябрю 1936 г. стало ясно (и затем этот факт находил все больше подтверждений), что «невмешательство» стало формой умиротворения агрессора со

стороны Великобритании и Франции. Правительство Народного фронта Франции готово было оставить Народный фронт Испании на съедение фашистам. В этих условиях у Республики остались два союзника — СССР и Мексика. Оба — крайне удаленные от места событий. И только СССР производил современное оружие, которое могло тягаться с германским и итальянским. Такова была расстановка международных сил, крайне неблагоприятная для Республики.

Испанский историк А. Виньяс стремится обосновать тот же тезис «Судьба Испании решалась не в Мадриде», не питая иллюзий по поводу дипломатических игр в европейских кабинетах. Он придает решающее значение советской военной помощи: «В условиях, когда демократические державы устарились от поддержки, а вмешательство фашистов стало более активным, только помощь Советского Союза на какое-то время спасла Республику. Именно эта помощь установила материальную базу для того, чтобы вести длительную войну, но никогда не была достаточной для того, чтобы республиканцы могли победить в конфликте, который они проиграли почти с самого начала»[229]. Это рассуждение не вызывало бы возражений, если бы не приговор: Республика «проиграла почти с самого начала». Бессмысленны были сражения под Мадридом, разгром итальянцев под Гвадалахарой и взятие Теруэля. Правы были не миллионы испанцев, произносившие «No pasaran», а «мудрые пескари», пропагандировавшие капитуляцию. Это — принципиальный вопрос, и мы не раз будем к нему возвращаться: была ли Республика обречена с самого начала, или она могла при определенных условиях победить или хотя бы продержаться до начала Второй мировой войны.

Истоки позиции современных авторов, проповедующих «изначальную обреченность» Республики, уходят корнями в пессимизм и последующее капитулянтство части ее лидеров либерального и социал-либерального направления, прежде всего М. Асанья, И. Прието и Х. Бестейро. Они не верили во внутренний ресурс Республики, в мобилизацию широких масс. Асанья связывал успех с поддержкой Франции. Но французское правительство отвернулось от Республики. Антонов-Овсеенко сообщал о беседе с президентом 21 октября: «Наедине со мною Асанья прямо говорит о потере им веры в возможность удержать Мадрид». Трудно сопротивляться «перед лицом современных бомбовозов»[230].

Однако в сложившихся условиях Асанья ориентировался на тех, кто может предложить внешнюю помощь, даже если они далеки идеологически: «Асанья чрезвычайно хвалит Коммунистическую партию, ее четкую программу, ее организацию, выдержку, твердую дисциплину, сознание ответственности, что сделало из нее основу новой Испании и единственную надежду на окончательную победу над фашизмом и над хаосом анархии»[231].

Не веря в победу, Асанья искал спасения, возможности прекратить войну «вничью», опираясь на поддержку Сталина против Гитлера и коммунистов — против «анархии». Когда коммунисты задавят «анархию», а помощь Сталина окажется недостаточной, Асанья станет искать пути капитуляции.

Помощь СССР уравнивала, хотя бы отчасти, внешний фактор вмешательства фашистских государств. Она, даже если бы оказывалась в больших масштабах, не могла

уравновесить всё, если бы сами антифашисты не имели воли к сопротивлению. Откровенно недооценивая внутренние факторы сопротивления, А. Виньяс готов видеть именно в советской помощи объяснение того, что «обреченная» Республика устояла осенью 1936 г.: «То, что было ВОЙНОЙ, и длительной, стало возможным благодаря помощи, предоставляемой Советским Союзом республиканскому правительству, когда последнее отступало на всех фронтах, теснимое силами под командованием профессионалов, подпитываемыми наемниками (Иностранный легион и колониальные солдаты, уже имевшиеся или спешно набранные в неисчерпаемых ресурсах Марокко)»[232]. Получается, что под Мадридом несокрушимых африканцев остановили некие советские силы (именно такую картину рисовала франкистская пропаганда).

Как мы увидим, под Мадридом дело обстояло далеко не так, советская помощь, только начавшая поступать, сама по себе не могла обеспечить спасение столицы[233]. Натиск франкистов был уравновешен прежде всего внутрииспанским фактором, который отказываются замечать такие авторы, как А. Виньяс. Они не замечают его по идеологическим причинам, потому что он нарушает добропорядочную политкорректную картину прошлого. Этот фактор — РЕВОЛЮЦИЯ. Они либо не видят революции в упор[234], либо замечают только ее разрушительные стороны. Задача объективного исследователя — рассмотреть не только разрушительные, но и созидательные стороны революционного процесса. И тогда станет видно, что у антифашистов по большому счету был не один (внешний), а как минимум два фактора сопротивления (что доказывает уже оборона Мадрида) — революция и помощь СССР. В сложившихся условиях нельзя было победить, имея только один из них. Поражение вытекало из ослабления не только советской помощи, но и революции.

* * *

В Испанию прибывали добровольцы левых взглядов со всего мира, которые вступали в интернациональные бригады, сражавшиеся против франкистов. Свыше 70 % интернационалистов составляли коммунисты, и столько же — участники Первой мировой войны[235]. Это было очень важно, потому что большинство испанских мужчин не имели военного опыта. В этом заключался секрет повышенной боеспособности интербригад по сравнению со средними республиканскими частями.

Советские военные специалисты также считались добровольцами. Однако советским гражданам, которые по собственной инициативе обращались с просьбой направить их в Испанию, отправлялся стандартный ответ: «Сообщаем Вам по этому поводу, что Советское правительство не занимается вербовкой добровольцев для Испании»[236].

С августа в Испанию стали прибывать военные специалисты. Всего в Испании присутствовало около 4 тысяч советских граждан. СССР поставил республике 648 самолетов (RZ, СБ, Р-5, И-15, И-16), 347 танков (Т-26, БТ-5), 60 бронемашин, 1186 орудий, 340 минометов, 20486 пулеметов, 497813 винтовок[237].

Эффективность использования этого оружия могла быть куда выше. Как докладывал в 1938 г. Р. Малиновский, «если посчитать брошенное оружие республиканцами за всю войну, то его хватило бы с избытком на целую новую армию...»[238]

Впрочем, Сталин предпочитал вести беспроблемную игру. Поставки советского оружия оплачивались за счет золотого запаса Испании. 510 тонн испанского золота прибыло в Одессу 5 ноября 1936 г. Этот запас был исчерпан только к концу 1938 г., и лишь последние, уже нерегулярные поставки были произведены «в кредит».

У Сталина были основания также опасаться утери советских военно-технических секретов через Испанию. Так, осенью 1936 г. два только что поставленных И-15 были угнаны к противнику испанскими пилотами, симпатизировавшими франкистам[239]. Эти опасения, наряду с политическими соображениями министра авиации и флота Прието, препятствовали передаче авиации в «неблагонадежные» районы Каталонии и Арагона, что трагически сказалось на ходе военных действий.

В целом, конечно, вмешательство фашистских государств значительно превышало помощь СССР. Прежде всего, Италия и Германия направили в Испанию свои боевые части, а не только советников. Здесь постоянно находилось до 50000 итальянских солдат и до 10000 немецких[240]. Через Испанию прошли 150–200 тыс. итальянцев и 50 тыс. немцев[241]. По советским данным, Германия и Италия поставили в Испанию соответственно: 593 и 1000 самолетов, 250 и 950 танков и бронемашин, 700 и 1930 орудий, 6174 и 1426 минометов, 31000 и 3436 пулеметов, 157306 и 240747 винтовок. Это гораздо больше, чем мог себе позволить СССР[242].

Испания стала полигоном для проверки в деле военной техники СССР, Германии и Италии. Военные специалисты обеих сторон скрупулезно фиксировали все нюансы действий и технического состояния танков, самолетов и артиллерии, оценивали и передавали в центр информацию о том, как ведут себя отдельные детали — вплоть до винтиков и патрубков, удобно ли летчику и танкисту, каким образом ведет себя техника в разных погодных и климатических условиях. Пристальное внимание уделялось трофейной технике. Испания предоставила уникальную возможность помериться техническими силами с потенциальным противником. Свое превосходство над итальянской техникой показали советские танки и самолеты, обогатился опыт их применения.

Первоначально советские специалисты с удовольствием докладывали: «Воздушные бои неизменно заканчиваются перевесом в нашу сторону»[243]. Советским летчикам удалось добиться прекращения систематических бомбардировок глубоких тылов республики, включая Картахену и Альбасете. «Хейнкели» и «Фиаты» отстают от И-15 по маневренности и от И-16 — по скорости. Ситуация стала меняться к худшему в 1937 г., когда в воздухе появились «Мессершмитты-109», а союзники Франко стали резко наращивать поставки.

Советские летчики в Испании работали до изнеможения: за 5 месяцев в среднем на каждого приходилось по 250 часов боевой работы. «Без советских пилотов война с началом помощи пошла бы намного хуже для Республики, попросту потому, что в битве при Мадриде у нее не было достаточного количества опытных летчиков и мало кто был знаком с новыми

самолетами, прибывавшими с Востока»[244], — считает историк А. Виньяс.

Потери авиации составляли 400 % в год. Роль советских специалистов-авиаторов в 1936–1938 гг. оставалась ключевой. Все решения испанского авиационного командования согласовывались с главным советником авиации Я. Смушкевичем. «Можно сказать, что Смушкевич, оставаясь формально на положении советника, фактически является руководителем всей авиации»[245].

Сообщения из Испании оказали существенное влияние не только на техническое развитие авиации, но и на понимание стратегических аспектов ее применения. Так, в докладе майора Гречнева говорилось: «На наших учениях и маневрах тяжелая авиация используется в основном по крупным объектам в глубоком тылу, без взаимодействия с истребительной авиацией, так как радиус действия последней позволяет осуществлять это взаимодействие только в зонах, расположенных недалеко от линии фронта. Опыт войны в Испании показал, что материальная часть, находящаяся на вооружении тяжелой авиации, не позволит осуществить эту задачу»[246].

Гречнев обращает внимание и на такой парадокс: при том, что матчасть лучше у нас, подготовка пилотов лучше у противника. Почему? Наша подготовка засорена лишними предметами, в том числе стрелковыми. Более того: «У нас очень сильно увлекаются физкультурой и часто за счет основных элементов обучения в некоторых частях умудряются даже освобождать от полетной работы летно-технических состав, лишь бы не ударить лицом в грязь при очередных состязаниях по физкультуре»[247]. Увы, избавиться от этого недостатка до 1941 г. не удалось.

По мнению А. Виньяса, «советское вооружение было изначально лучшего качества, чем итальянское и немецкое, но державы Оси компенсировали качественное отставание тремя способами: убыстрение поставок, создание ударных сил, таких как „Кондор“, и направление военных сил и техники в таком количестве и динамике, при которых был быстро достигнут баланс в пользу Франко»[248]. Слово «быстро» нуждается в уточнении. Мы увидим, что перевес стал решающим только с 1938 г.

Анархия и власть

На стороне Республики сражались сторонники перемен, модернизации страны, преодоления вековой отсталости. Однако согласие заканчивалось на уровне общих лозунгов и необходимости сражаться против мятежников.

Старт Гражданской войны, всеобщее вооружение активных граждан в Республике привели к началу уже не просто политической, а глубокой социальной революции[249]. Некоторое время Республика была открыта социальному творчеству снизу, созданию именно таких порядков, какие по нраву организованным работникам.

И под пулями, и в тылу люди живо обсуждали перспективы перемен. «В 1936 г. свобода была полной, как будто на дворе не война, а предвыборная кампания»[250]. Бывает, что

революция, открывая дверь свободе выбора, которая и не снится современным предвыборным кампаниям, в то же время связана с необходимостью защищать и эту свободу, и этот выбор с оружием в руках. И война начинает пожирать свободу. Но в спокойное и стабильное время не открывается сама дверь.

Дезорганизация государственной машины была общим следствием революции на всей территории Испании, и притом весьма долгосрочным. Даже в октябре А. Марти сетовал: «Государственный аппарат либо уничтожен, либо парализован. В лучшем случае он не пользуется никаким авторитетом»[251].

Теперь каждая партия и профсоюз имели свои вооруженные формирования. Это значит, что реальная власть оказалась в руках множества низовых формирований, как никогда приблизилась к населению, и, вопреки предсказаниям правых, это не вызвало хаотической войны всех против всех. В июле во многих регионах страны возникли местные центры власти — Центральный комитет антифашистской милиции Каталонии, правительство Страны Басков, Совет Астурии и Леона, Арагонский Совет, Хунта Сантандера и др. В эти органы входили представители партий Народного фронта и анархисты. Советы и хунты пользовались широчайшей автономией. Активно действовали и многочисленные низовые структуры самоорганизации — профсоюзные комитеты на предприятиях, территориальные революционные комитеты и комитеты Народного фронта, довоенные муниципалитеты. При этом «революционные комитеты никогда не вытесняли полностью муниципалитеты Народного фронта»[252]. Все это многообразие должно было быть сведено в какую-то систему — либо демократическую, согласующую между собой позиции разных структур самоуправления, либо авторитарную, подавляющую структуры самоуправления ради проведения воли центра.

23 декабря 1936 г. был принят декрет о системе местной власти на территории республики, за исключением автономных регионов, имевших статуты (Каталония и Страна Басков). Создавались советы провинций, которые должны были состоять из представителей профсоюзов и политических партий Народного фронта. Совет работал под председательством гражданского губернатора. К ведению советов относились строительство и содержание дорог, коммунальные работы, благотворительность, здравоохранение, судебная деятельность и образование. Правительство Республики сохранило за собой полномочия в сфере общественного порядка, цензуры и регулирования права на общественное объединение. Эти структуры были созданы и заполнены представителями тех сил, которые преобладали в провинции. Государственные структуры стали фасадом партий и профсоюзов, государство пока не сформировало консолидированные бюрократические интересы. Но пока революция углублялась, консолидировалось и сопротивление ей.

По мнению современного испанского историка Р. Вальехо, «после того, как была нарушено нормальное функционирование политических институтов, политические программы потеряли значение, а предвыборные альянсы — смысл»[253]. Но ведь Народный фронт был создан ради социальных реформ. И углубление социальной революции позволило проводить их решительнее. Программа Народного фронта 1936 г. была существенно скорректирована революцией, но заключившие пакт партии вскоре стали стремиться к восстановлению

именно этого умеренного социал-либерального курса, который уже в 1937 г. получил вторую жизнь. Таким образом, программа Народного фронта стала программой социал-либеральной реставрации, противостоящей революционному процессу, который пошел куда глубже. Социал-либералы с тревогой, если не сказать — с ужасом, смотрели на происходящее, но ждали своего часа.

* * *

Особенное значение среди регионов Республики имела Каталония, где было сосредоточено около 70 % промышленного потенциала республиканской зоны. В Барселоне действовали паровозный завод, автомобильный завод Испано-Сюиза, автосборочные мастерские Форда, электротехнический завод Сименса, химзаводы, механические предприятия.

Каталония и Арагон стали очагом социальных преобразований, о которых подробнее речь пойдет ниже. Сразу после начала войны анархо-синдикалисты практически безраздельно доминировали в столице Каталонии Барселоне. Государственный аппарат Каталонии был полностью дезорганизован. В конце июля 1936 г. главе Женералитета Каталонии Луису Компанису в Барселоне не подчинялся почти никто[254]. Он было попытался вызвать национальную гвардию из провинции, но лидеры НКТ пригрозили забастовкой, и от этой идеи пришлось отказаться[255].

Компанис — «человек по природе мягкий и вместе с тем горячий, интеллигент, влюбленный в каталонскую культуру»[256]. Компанис мог бы быть на своем месте, окажись он национальным лидером в 70-е гг., или, скажем, во время Перестройки в стране Прибалтики, когда ветры истории дули бы ему в спину. Но Компанису не хватало харизмы и собственной целеустремленности Масиа. В шторме революции и гражданской войны он стал теряться, двигаться по воле волн, превратился в игрушку сил, для которых каталонские националисты были лишь фигуркой на шахматной доске, а сама эта каталонская автономия в перспективе — тем же, что и украинская или белорусская в СССР. Но это потом, а пока первое, что должен был сделать Компанис — это как-то договориться с анархо-синдикалистами.

Перед анархо-синдикалистами встал выбор — добить существующую социальную систему, попытаться «установить» анархический коммунизм и проводить в жизнь концепцию съезда в Сарагосе или пойти на сотрудничество с другими антифашистскими силами в Каталонии и в Испании в целом. На состоявшемся 20 июля пленуме Барселонской организации НКТ Гарсиа Оливер защищал первую позицию (близкую также взглядам Дуррути), а Абад де Сантьян — вторую. Линия Абада победила. Позднее Гарсиа и сам признал, что выбор стоял «между либертарным коммунизмом, который означал диктатуру, и демократией, которая означала сотрудничество»[257]. Навязывание анархии и коммунизма силой диктатуры было бы предательством принципов анархистской идеологии, переходом на позиции большевизма. Но и сотрудничество с государством, пусть и революционным, противоречило идеям радикального анархо-коммунизма, закрепленным в программе НКТ. По мнению радикального анархистского английского автора В. Ричардса, «выбор 20 июля, как мы думаем, может рассматриваться как начало предательства ожиданий рабочих их

представителями»[258]. Но разве большинство рабочих ожидало немедленного пришествия анархии и коммунизма? Ситуация была сложнее: надежда на то, что либертарная революция вовлечет в себя массы всех трудящихся, не оправдалась. Анархо-синдикалистам пришлось выбирать между двумя фундаментальными основами своей идеологии — радикализмом и антиавторитаризмом. Лидеры НКТ и ФАИ выбрали второе, отказавшись от установления «собственной диктатуры». По словам Гарсиа Оливера, «НКТ и ФАИ решились на сотрудничество и признание демократии, отвергая революционный тоталитаризм, который мог привести к удушению Конфедерации диктатурой анархистов»[259].

Другой лидер НКТ М. Эскоса и его единомышленники считали, что нужно строить либертарное общество, не заключая соглашений с властью и не вступая с ней в конфронтацию. «Ни мира, ни войны». Но ведь значительная часть населения региона не собиралась участвовать в анархистском строительстве. Так что каким-то образом нужно было определить отношения с их представителями.

В итоге лидеры НКТ решили, что следует все-таки встретиться и поговорить с Компанисом. Приняв принципиальное решение, лидеры НКТ направили к нему делегацию в составе Дуррути, Гарсиа Оливера, Абада де Сантьяна, Фернандеса, которые представляли Каталонский комитет и ФАИ, и Ж. Асенса от регионального комитета. «Мы сели, держа ружья между коленей», — вспоминает Гарсиа о начале встречи. Президент Женералитата Каталонии заявил: «Вы всегда грубо преследовались, в том числе, к сожалению, и мной... Сегодня Вы — хозяева положения, потому что Вы победили вооруженный мятеж... Вы победили, и все в Ваших руках, и если я не нужен Вам, и Вы не признаете меня Президентом Каталонии, скажите мне сейчас, и я стану еще одним рядовым бойцом против фашизма... Но, с другой стороны,... Вы можете рассчитывать на меня как на человека и как на политика...»[260].

Х. Томас видит в этом тонкую игру, когда Компанис стремился добиться независимости Каталонии, опираясь на анархистов против республиканского правительства[261]. Трудно согласиться с тем, что Компанис был настолько наивен, чтобы сознательно уступать ключевые позиции в регионе радикальной общеиспанской организации ради дальнейшего раскола страны, который никак не входил в планы НКТ. Характерно, что при первой возможности Компанис станет бороться с НКТ, вступая в рискованные союзы. Это привело каталонскую автономию к краху еще до поражения в войне с франкизмом. В июле-августе 1936 г. решения об устройстве новой системы власти принимал не Компанис, а анархо-синдикалистские вожди, а президент Женералитата мог только подстраиваться под них.

Компанис понимал, что анархисты вряд ли войдут просто в правительство, и создал его аналог под названием, концептуально приемлемым для анархистов. По итогам беседы с делегацией НКТ и ФАИ президент издал декрет о формировании Центрального комитета Антифашистских милиций (ополчений) (ЦК МАФ). Региональный комитет НКТ согласился войти в эту структуру, выдвинув вполне политическое условие: треть голосов (3 для НКТ и 2 для ФАИ из 15).

Однако 21 июля радикальные анархисты на региональном пленуме НКТ предприняли новую атаку на идею коалиции. Делегация Нижнего Льебрегата во главе с Шеной и Гарсиа

потребовали выхода из ЦК МАФ и провозглашения анархического коммунизма. Однако провозгласить коммунизм легко, а вот как его в таких условиях осуществить? Снова пришлось повторить весь круг обсуждения. Придется принуждать жить по-коммунистически значительную часть населения, которая не собирается этого делать. А тогда не обойтись без диктатуры. Диктатура же неприемлема для анархистов. Против установления диктатуры энергично высказались Ф. Монтсени, Д. Абад де Сантьян и Мариано Васкес, секретарь каталонской организации НКТ.

Большинство участников пленума (кроме делегации Нижнего Льобрегата) проголосовали за укрепление «сложившегося на улице антифашистского фронта»[262] по крайней мере до освобождения страны от фашизма[263].

Некоторое время Гарсиа не унимался: «Я сумел распознать мнение большинства и не пошел против него. Хотя, конечно, я предложил группе „Носотрос“ покончить с буржуазным положением Каталонии с помощью активных действий, извлекая пользу из скопления бойцов, которые должны были выступить с Дуррути, воспользовавшись сложившимися историческими обстоятельствами, героями которых мы были»[264]. То есть, Гарсиа предложил Дуррути все же совершить военный переворот. Однако перед лицом фашистской угрозы Дуррути не пошел на это.

Современный исследователь В. В. Дамье комментирует эти дискуссии: «Утверждения, будто провозглашение либертарного коммунизма в противовес идее „антифашистского сотрудничества“ звучали весьма странно с точки зрения либертарной теории». Ссылаясь на Х. Гомеса Касаса, В. В. Дамье полагает, что осуществление идеи Гарсиа привело бы к таким мерам, как «ропуск старых партий, приверженных идее власти», либо, если это не получится, «лишение их возможности прибегать к политике, направленной на завоевание власти»[265]. Ну что же тут диктаторского? Людям «либертарно» запрещают участвовать в партиях, исповедующих «неправильные», не анархические концепции, а если приверженцы «неправильных идей» все же останутся в партиях, то их придется дискриминировать при принятии решений (а то они будут проводить политику, направленную на завоевание власти). Вполне очевидно, что для поддержания такого режима в Каталонии в августе 1936 г. потребовалось бы проведение регулярных репрессий, разгон тех структур, где преобладают сторонники партий.

Это не смущает В. В. Дамье: «Анархисты и анархо-синдикалисты всегда исходили из того, что в ходе революции будут применяться принудительные меры, такие как экспроприация собственности эксплуататоров и слом используемого ими государственного и политического аппарата. В то же время трудящиеся должны были пользоваться полной свободой в своих синдикатах и коммунах»[266]. Вот тут и содержится проблема. Сломать, разогнать государственные структуры можно. Но синдикаты (включая ВСТ) и коммуны (в не-анархистских кварталах Барселоны, например) вольны их тут же восстановить. И даже защищать от попытки разгона.

Одно дело — лихо, по-анархически разогнать чиновников, тот же Женералитат. А что делать, если националисты восстановят его, а сторонники коммунистов, социалистов и либералов станут подчиняться не анархистским советам, а мэриям? Разгонять эти мэрии

вновь и вновь? Это и называется диктатура — и с точки зрения либертарной идеологии, и любой другой.

Совершенно безвластное общество может возникнуть, если люди могут решать свои проблемы, минуя органы власти. Очевидно, в 1936 г. предпосылок для такого общества еще не возникло. Согласно анархистским концепциям это требовало создания органов самоуправления, полномочных принимать решения. Работники, которые не разделяют идей анархизма, имеют такое же право участвовать в этом самоуправлении и продвигать в них своих партийных лидеров. Таким образом, отказ от естественной анархистской диктатуры естественно требовал согласования действий с неанархистами, коалиции с теми силами, которые оказались по эту сторону антифашистских баррикад. Либо — диктатура анархистов, либо — сотрудничество с демократами, либо — война на два фронта к радости Франко. Какой-то иной возможности в тех условиях не существовало. Это и пытались втолковать Гарсиа Оливеру Монтсени, Васкес и Абад де Сантильян. Судя по тому, что Гарсиа Оливер позднее вошел в правительство Испании, им удалось разъяснить положение дел своему радикальному товарищу. Несколько позднее Гарсиа уже утверждал: «Мы отлично понимаем необходимость осторожного подхода к вопросу углубления революции. Мы хотим единого фронта с социалистами»[267].

21 июля, еще не осознав правоту сторонников умеренного анархизма, Гарсиа говорил: «Я утверждаю, что синдикализм, в Испании и в остальном мире, стоит перед актом провозглашения своих конструктивных ценностей перед лицом человечества и истории»[268]. История покажет, что анархо-синдикалисты смогли предъявить свой конструктивный потенциал, и не разгоняя другие политические силы. Собственно, другой возможности осуществить какие-то конструктивные преобразования не было — ведь новая экономика требовала какого-то пространства, не охваченного войной — не только отдельных сел, но и городов. Антифашистский союз предоставил анархо-синдикалистам такую территорию. Только благодаря этому мы теперь можем вообще судить о конструктивной практике экономического строительства анархо-синдикалистов, о своеобразном варианте производственной демократии, который Испания предложила миру.

Анархо-синдикалисты чувствовали, что вступают на еще более опасную стезю, чем раньше. Представители синдикалистских профсоюзных организаций опасались отрыва министров от низовых организаций НКТ. На октябрьском пленуме регионального комитета НКТ-ФАИ «большинство делегатов выразили свое логичное требование, что, насколько возможно, с рядовыми членами организации должны консультироваться, просили не использовать свои полномочия кроме чрезвычайных случаев»[269]. Но в условиях Революции и Гражданской войны все случаи были чрезвычайными.

Согласившись сохранить республиканскую государственность в Каталонии, анархо-синдикалисты сделали выбор, который определил развитие Революции вплоть до мая 1937 г. Женералитат и Народный фронт признавали право анархо-синдикалистов на проведение социально-экономических преобразований в Каталонии. Такую же политику в отношении социальной революции стало проводить и общеиспанское правительство. При этом анархо-синдикалисты могли исходить из того, что «их» революция еще не началась, пока не выиграна война. В ответ НКТ и ФАИ признавали легитимность коалиционных правительств

Испании и Каталонии.

* * *

Принципиальным оппонентом анархистов стала Объединенная социалистическая партия Каталонии (ОСПК, испанское сокращение PSUC), образовавшаяся 24 июля 1936 г. путем слияния каталонских коммунистов и социалистов, а также небольших каталонских структур — Социалистического союза и Пролетарской партии. Это объединение готовилось заранее, но состоялось сразу после подавления мятежа в Барселоне[270]. ОСПК попросилась в Коминтерн, признав тем самым его строгие принципы. Это, однако, не значит, что все члены ОСПК в момент вступления стали коммунистами: «ОСПК в начале существования по сути своей была партией националистической, марксистской и, прежде всего, антифашистской. Поскольку она считала себя крылом Коминтерна, это породило определяющий фактор, характерный для Коминтерна и КПИ в отправной точке существования новой организации, и которая вместе с ними считала себя принадлежащей к коммунистическому движению, что положило начало запутанным взаимоотношениям»[271], — пишет «биограф» ОСПК Ж. Пучсек. С одной стороны, шло приведение партии к коминтерновским образцам, с другой — в нее входили люди более умеренных взглядов, симпатизирующие национальной автономии.

До 1939 г. ОСПК не была принята в Коминтерн, руководители которого считали, что в Испании должна быть только одна компартия, и ОСПК может войти в КПИ как ее региональная организация. Однако «заминка» с приемом в Коминтерн была вызвана не идеологическими причинами в строгом смысле слова, и не будет ошибкой называть ОСПК коммунистической партией уже с 1937 г. Во-первых, ее отношения с Коминтерном, несмотря на отсутствие формального статуса, строились так, как если бы ОСПК была секцией Интернационала. У партии был свой куратор Э. Гёре, она информировала ИККИ о своей деятельности и подчинялась указаниям ИККИ. Во-вторых, уже в январе 1937 г. КПИ признавала общность политических программ двух партий по крайней мере на современном этапе[272]. В-третьих, идейная эволюция руководства ОСПК быстро привела от абстрактно-этикетских представлений о социализме к одобрению той модели «социализма», которая существовала в СССР. Этому способствовал и визит первого секретаря ОСПК Х. Комореры в СССР в марте 1938 г. Фасад СССР производил впечатление на многих иностранных гостей, и не разделявших коммунистических взглядов. За фасадом разверзлись террор и социальные трудности. Но в данном случае Коморера не был обманутым гостем. Впечатления от «страны победившего пролетариата» лишь укрепили его во мнении, ранее сформировавшемся об СССР. Лидеров ОСПК не смущали критические публикации об СССР, в обилии выходившие в Каталонии. В 1937–1938 гг. ОСПК была вовлечена в репрессии против «троцкистов». В-четвертых, неоднородность ОСПК не мешала ей проводить целостную политическую линию. Влияние внутренних разногласий на ее курс было куда меньше, чем у НКП и ИСРП. Эта линия четко укладывалась в указания Коминтерна, за исключением вполне терпимого в это время национального «флюса». Таким образом, ОСПК может быть охарактеризована не как социал-демократическая или просто демократическая, антифашистская партия, а как партия коммунистическая — в том смысле, в каком были коммунистическими восточногерманская

СЕПГ или польская ПОРП во второй половине 40-х гг. ОСПК стала одним из модельных примеров распространенного во второй половине XX в. явления национального коммунизма.

* * *

Дуррути, вместо того чтобы разгонять Женералитат, двинул ополчение из Каталонии в Арагон, навстречу франкистам. Если верить М. Кольцову, особые надежды анархистский вождь связывал со взятием Сарагосы: «Я войду в Сарагосу первым, провозглашу там свободную коммуну. Мы не будем подчиняться ни Мадриду, ни Барселоне, ни Асанье, ни Хиралю, ни Компанису, ни Казановасу. Хотят — пусть живут с нами в мире, не хотят — мы пойдем на Мадрид... Мы покажем вам, большевикам, русским и испанским, как надо делать революцию, как доводить ее до конца»[273]. Но в августе стало ясно, что Дуррути не собирается воевать с Мадридом.

С самого начала войны Дуррути стремился сделать отряды милиции моделью нового коммунистического общества (аналогичного подхода через тридцать лет придерживался Э. Че Гевара, правда, представления о коммунизме у них были разными). И. Эренбург рассказывал: «За столиками сидели дружинники, некоторые в красно-черных рубашках, другие в синих комбинезонах, все с большущими револьверами, ели, пили вино, смеялись; никто не обращал внимания ни на нас, ни на Дуррути. Один из дружинников разносил еду, кувшины с вином, рядом с тарелкой Дуррути он поставил бутылку минеральной воды. Я пошутил: „Вот, ты говорил, что у тебя полное равенство, а все пьют вино, только тебе принесли минеральную воду“. Я не мог себе представить, какое впечатление это произведет на Дуррути. Он вскочил, закричал: „Уберите! Дайте мне воды из колодца!“ Он долго оправдывался: „Я их не просил. Они знают, что я не могу пить вино, и где-то раздобыли ящик с минеральной водой. Конечно, это безобразие, ты прав...“ Мы молча ели, потом он неожиданно сказал: „Трудно все изменить сразу. Одно дело — принципы, другое — жизнь...“[274] Во всяком случае, этот эпизод показывает, насколько серьезно лидеры анархистов относились к своим принципам»[275].

Хотя анархисты и республиканцы двинулись на Сарагосу почти сразу после победы в Барселоне, на пути к ней мятежники уже успели занять все удобные позиции, включая Уэску и Хаку. На Уэску также двинулись гарнизон Барбастро, оставшийся верным республике, колонны ОСПК и ПОУМ. Но они были остановлены противником. Ближе всего к Сарагосе подошли колонны анархистов во главе с Дуррути. Его отрядами командовали Доминго Аскасо (брат только что погибшего Франсиско Аскасо), Грегорио Ховер, Гарсиа Виванкос и Антонио Ортис. Тылом заведовал сподвижник Дуррути Рикардо Санс.

Взяв Сарагосу в полукруг, анархисты и республиканцы не смогли продвинуться дальше. Формально командовавший этим наступлением полковник Вильяльба (командир гарнизона Барбастро) потребовал, чтобы анархистские колонны остановились. Он убеждал Дуррути, что не сможет поддержать его при штурме Сарагосы, и анархисты будут отрезаны. Что здесь сыграло роль — политическая ревность к успехам анархистов или действительные военные соображения? Ведь милиция не смогла выполнить и более скромную задачу — взять Уэску. Во всяком случае, другого шанса взять Сарагосу с ходу уже не представится.

Южнее колонна Ортиса взяла Мольтальбан и подошла к Теруэлю с севера. Дальше на юг начиналась зона ответственности центрального республиканского правительства.

* * *

После соглашения НКТ и Компаниса в Каталонии возникла плюралистичная политическая система (своего рода «двоевластие»), включавшая помимо широкой сети органов самоуправления различные правительственные и партийные организации, имевшие свои военные формирования.

ЦК МАФ состоял из трех представителей НКТ, трех — ВСТ, трех — Эскерра (Каталонская левая республиканская партия, партия Компаниса), двух представителей ФАИ и по одному от организации виноделов, Каталонского действия, ОСПК и ПОУМ. Характерно, что пока за ОСПК и ПОУМ было признано равное влияние в Каталонии.

Де-факто власть в Каталонии и Арагоне находилась у анархо-синдикалистов, так как на их стороне было большинство организованных тружеников. ВСТ здесь играл роль младшего партнера, а в Арагоне был взят курс на слияние ВСТ с НКТ, что нашло отражение в договоре двух федераций[276].

Когда Компанис предложил (в русле анархистских речей) сделать ЦК не органом власти, а чисто техническим военно-координационным органом, анархисты сказали свое веское «нет». Именно этот орган и должен руководить Каталонией (то есть стать фактическим правительством)[277].

6 октября на конференции делегатов деревень и колонн НКТ в Бухаралосе был создан Совет Арагона (первоначально — совет обороны, то есть военный, а не административный орган), в который вошли один из основателей ФАИ М. Хименес, Х. Аскасо — брат погибшего в первые дни мятежа анархистского героя, и др.

Совет Арагона и ЦК МАФ фактически взяли в свои руки власть на северо-востоке Республики. Каталонский националист Х. Миравильес, работавший в ЦК, вспоминал: «С организационной точки зрения он был хаотичен... Каждый „секретарь“ делал в большей или меньшей степени что хотел. Однако мы находились в состоянии постоянной сессии, хотя и не присутствовали на ней все одновременно». Коллеги анархо-синдикалистов по ЦК не могли понять, почему представители НКТ не «управляют» вверенными им «секретариатами». «Либертарианцы контролировали наиболее важные „секретариаты“, но власть все еще лежала на улицах»[278] — вспоминает Х. Миравильес. Задача анархо-синдикалистов первоначально заключалась не во взятии власти, а в «прикрытии сверху» низовых организаций трудящихся, которые брали хозяйство в свои руки. Секретари ЦК МАФ от НКТ не давали партиям вмешиваться в сферу экономики. Они сознательно оставляли власть улице. Однако «улица» была хорошо организована структурами НКТ и ФАИ. Милиция взяла под свой контроль ключевые пункты коммуникаций (это было не сложно сделать, так как везде в Барселоне большинство составляли рабочие — члены НКТ), охрану границы. Нужно было только координировать низовую активность, которая в это время «была

ключом». Люди сами готовы были организовать все, что нужно.

Секретариаты ЦК МАФ действовали более или менее эффективно в зависимости от авторитета «секретаря» и организации, которую он представлял. Так, руководить комитетом снабжения был направлен один из лидеров ФАИ и НКТ Д. Абад де Сантьян. В его аппарат вошел секретарь союза стекольщиков Х. Доменек, по его собственному признанию, ничего не понимавший в снабжении. Инструктируя своих сотрудников, Д. Абад де Сантьян сказал: «Сейчас ты должен достать продовольствие для колонн милиции, госпиталей и населения... О да, — добавил он, как бы между прочим, — послезавтра до вечера мы должны обеспечить поставку 5000 холодных рационов для колонн милиции, которые собираются поужинать перед атакой на Арагонском фронте. Вы займетесь этим. До свидания»[279]. Однако в условиях энтузиазма сторонников синдикализма и страха перед анархистами со стороны их противников достать продовольствие для фронта оказалось не сложно. «Волшебные слова» «мы из комитета по снабжению» обеспечивали немедленное сотрудничество рабочих и беспрекословное подчинение торговцев[280]. Продовольствие вовремя поступило на фронт.

Комитет по снабжению ЦК МАФ, опираясь на связи с сельскими коллективами, развернул сеть бесплатных народных столовых, где было до конца года потреблено 700 т. хлеба, 600 т. картофеля и 170 тыс. дюжин яиц[281].

Оказавшись у власти и организуя экономическое регулирование, анархо-синдикалисты должны были воплотить в жизнь и свои собственные требования надежного социального обеспечения. В комитет по снабжению стали стекаться люди, требовавшие социальной поддержки. «Войдя, он или она начинали рассказывать долгую историю. Человек, чья жена родила, хотел попросить цыпленка, но никак не мог перейти к сути дела. „Скажи мне только, что ты хочешь!“ — кричал я на него, как генерал. „Цыпленка“. „Возьми этот листок бумаги. Иди к окошку туда-то. Там тебе дадут одного. Следующий“, — вспоминал Х. Доменек[282]. Столкнувшись с необходимостью выполнения задач, которыми веками занималось государство, анархо-синдикалисты не располагали для этого разветвленным бюрократическим аппаратом, необходимость которого отрицали. В результате первоначально основная тяжесть этой работы упала на плечи лидеров движения. Анархо-синдикалистская доктрина возлагала функции социального вспомоществования на синдикаты и коммуны. Подключение низовых организаций к этой работе постепенно избавило координирующие органы от потока случайных посетителей.

„Несмотря на то, что мы были антиавторитарны, мы были единственным авторитетом (властью — А. Ш.) здесь“, — вспоминает член Иберийского комитета ФАИ Ф. Караскер, — местный комитет НКТ вынужден был заниматься администрацией, транспортом, продовольствием, здравоохранением...» Чтобы наладить нормальную жизнь в контролируемых районах, анархистам приходилось взаимодействовать и с бывшими непримиримыми противниками: «Они были, судя по всему, фалангистами, но вынуждены были продолжать работу»[283], — вспоминает он о медицинском персонале одного из госпиталей.

Фактического влияния на политику ЦК Л. Компанис не имел. После посещения им ЦК Б. Дуррути сказал представителю партии президента: «Скажите ему, чтобы он сюда больше не приходил. Если придет — я заставлю его почувствовать, что он наполнен пулями»[284]. Конечно, это была фигуральная угроза бывшего террориста, но она произвела впечатление. Публично же НКТ выступала за прекращение терроризма. В конце июля НКТ призывала: «Революция не должна позволить потопить нас в крови! Сознательная справедливость — да! Никогда больше — убийства!»[285].

За неполных два месяца работы ЦК МАФ был сформирован Арагонский фронт, налажено продовольственное снабжение вооруженных сил и города, обеспечено поддержание порядка.

* * *

6 августа Л. Компанис приступил к восстановлению правительства Каталонии и официально предложил социалистам и анархо-синдикалистам войти в него. Этот вопрос был чрезвычайно сложен для анархо-синдикалистов. Ведь они до этого отрицали возможность использовать государственные институты в целях своей организации. Первоначально создание полновесного органа власти рассматривалось как реорганизация ЦК МАФ. Пленум ФАИ 17 августа согласился преобразовать ЦК МАФ в региональный совет, состоящий из 3 представителей ВСТ, 5 НКТ, 3 левых (каталонских националистов), 2 ФАИ и 2 марксистов. Так был сделан первый шаг к вхождению анархистов в правительство, которое первоначально представлялось как новый революционный орган. В итоге дискуссии было принято решение: «Пленум согласен с роспуском Комитета антифашистских милиций, обходясь созданием таких советов, которые требует политическая и органическая жизнь Каталонии... Это преобразование прежнего Комитета антифашистских милиций продолжает исключать республиканские буржуазные партии, при уважении интересов, которые сейчас связаны с Женералитатом и Республиканской левой Каталонии»[286]. Это была идея, близкая «однородному социалистическому правительству», в котором российские социалисты видели выход из кризиса власти в 1917 г.[287]

Затем выяснилось, что другие партии не готовы войти в Совет, и речь может идти о формировании коалиционного Женералитата, к которому должны перейти полномочия ЦК МАФ. Это не меняло сути дела, но терминология имела большое значение для анархистов, которые могли рассматривать как «негосударственный орган» ЦК МАФ и Совет, но не Женералитат. Проблема обсуждалась на совместном пленуме региональных комитетов НКТ, ФАИ и Федерации либертарной молодежи (ФЛМ), где снова разгорелась дискуссия между радикалами, включая Х. Гарсиа Оливера, в этих условиях снова вернувшегося на прежние позиции «несотрудничества», и Д. Абадом де Сантьягом. Один из радикалов Р. Санс утверждал: «Ситуация в целом не улучшается. Она ухудшается, пока мы сотрудничаем,... мы должны взять всю власть несмотря на последствия». Тогда Абад де Сантьяг разъяснил оппонентам, какими будут эти «последствия»: «В Каталонию не придет оружие, никто не даст нам валюты, чтобы купить его за границей, нам не дадут сырья для промышленности. Мы чувствуем, что проиграть войну — значит проиграть все, вернуться к тем ничтожным, бессильным позициям, как во времена Фердинанда VII»[288]. Абад де

Сантьяган просто напомнил своим оппонентам, в каком окружении развивается революция. Приоритет сопротивления франкизму останется основой политики анархо-синдикалистов. Объясняя мотивы вхождения в правительство, Абад де Сантьяган писал: «Если бы это был только вопрос революции, само существование правительства было бы не только нежелательным фактором, но и препятствием, которое было бы разрушено. Но мы столкнулись с требованиями жестокой войны, международными связями, которые были вынужденно связаны с международными рынками, с отношениями с государственным миром. И для организации и управления этой войной, в условиях, в которых мы оказались, мы не располагали инструментом, который мог бы заменить старый государственный аппарат»[289].

Решение о вхождении в правительство Каталонии было принято региональным пленумом НКТ 26 сентября 1936 г. Затем аналогичное решение было принято и Национальным пленумом.

28 сентября правительство во главе с Жосепом Таррадельясом было сформировано. В него вошли Эскерра (кроме Таррадельяса советник (министр) просвещения В. Гассол и внутренних дел А. Айгуаде), ОСПК (Х. Коморера, общественные службы), ПОУМ (А. Нин, юстиция) и НКТ — советники по вопросам продовольствия (Х. Доменек), здравоохранения (Г. Бирлан) и экономики (Х. Фабрегас). Оборону возглавил каталонский националист Д. Сандино, но его влияние на Арагонском фронте было невелико.

1 октября структуры ЦК МАФ были объединены со структурами Женералитата. 6 октября был принят декрет Женералитата о замене спонтанно возникших «самозахватом» местных органов власти на коммунальные советы, состоящие из основных политических сил. На деле часть новых советов возникла путем переименования прежних, образовавшихся еще в июле, а также путем пополнения их представителями других партий и союзов. Таким образом, социальная база местной власти расширилась.

Начальник службы департамента внешней безопасности Каталонии каталонский националист Х. Регас, характеризуя ситуацию в Каталонии, сказал советскому консулу В. Антонову-Овсеенко: «Прибираем немного к рукам»[290]. Однако он выдавал желаемое за действительное. Каталонские националисты вынуждены были пойти на раздел власти. Это равновесие устраивало участников соглашения, и они готовы были защищать его от радикалов в собственных рядах. Когда сторонники ПОУМ попытались взять власть в Лериде, то эта попытка была пресечена представителями ОСПК, НКТ и центрального руководства самой ПОУМ[291].

Постепенно анархо-синдикалисты втягивались в межпартийную борьбу. В условиях участия в многопартийном правительстве это было неизбежно, но представители НКТ не имели здесь никакого опыта. К тому же, по словам Таррадельяса, анархо-синдикалисты — «деловые люди», но «легковерные»[292]. В ноябре-декабре 1936 г. статья советского консула В. Антонова-Овсеенко о связи троцкистов с фашистами спровоцировала правительственный кризис в Каталонии. ОСПК потребовала выдворения ПОУМ из Женералитата. Анархо-синдикалисты, не доверявшие коммунистическим обвинениям, заступились за ПОУМ: «НКТ и ФАИ настаивали на оставлении ПОУМа и соглашались дать

любую гарантию в том, что ПОУМ никакой компании против СССР и его представителей вести не будет»[293], — сообщали советские наблюдатели. Но все же НКТ не была готова со всей решительностью защищать ПОУМ. Обострившееся противоборство двух марксистских партий воспринималось НКТ как борьба за влияние в рабочем движении (прежде всего в ВСТ). НКТ была не в восторге и от политики лидера ПОУМ А. Нина в качестве члена Женералитата. Именно он отвечал за роспуск местных революционных комитетов, возникших в Каталонии в первые месяцы революции. Нин требовал централизации власти, что не могло нравиться анархистам.

Кризис в Женералитате был разрешен формированием 15 декабря профсоюзного правительства из представителей НКТ, ВСТ и каталонских профсоюзов. ПОУМ потеряла в этом правительстве место[294]. НКТ получила вместо трех четыре места (Абад де Сантильян, Доменек, Фабрегас, Херрера).

Компанис надеялся, что анархо-синдикалистские министры приструнят свою «вольницу» и будут как-то управлять своими массами. Но вскоре выяснилось, что члены Женералитата от НКТ «не годятся» для того, чтобы навязать анархо-синдикалистам политику, расходящуюся с их принципами. В феврале 1937 г. Антонов-Овсеенко писал: «И, голосуя в совете генералитета за те или иные декреты, идущие вразрез анархистской практике, представители НКТ оказываются бессильными провести эти директивы к исполнению организациями НКТ. Отсюда слабость каталонского правительства»[295]. Решения Женералитата (по-испански — Генералидада, советский консул смешал два наименования) проходили, если они шли в фарватере социальной революции и закрепляли ее результаты, и саботировались, если это было не так.

Осенью 1936 г. — в начале 1937 г. анархо-синдикалисты и каталонские националисты нашли точки соприкосновения своей политики, которые помогли им блокироваться. Антонов-Овсеенко докладывал в Москву, что анархисты и националисты совместно выступили за создание самостоятельных каталонских армии, банка, погранохраны. Пока требования сняты, «но их выдвижение характерно»[296]. Для НКТ это было не только программное требование, направленное на децентрализацию, но и прощупывание возможности снизить зависимость своей «вотчины» Каталонии от центрального правительства.

Программа каталонского правительства, получившая название «План Таррадельяса», в свою очередь, несла на себе сильнейшее влияние анархо-синдикализма:

1. Регулирование производства в зависимости от потребления.
2. Монополия внешней торговли.
3. Коллективизация крупных сельскохозяйственных владений и обязательное объединение земледельцев в сельскохозяйственный синдикат.
4. Установление налога на собственность и уменьшение налога на доход от недвижимости.
5. Коллективизация крупной промышленности; коллективизация экспроприированного имущества.

6. Распространение кооперативного режима на коммерческую торговлю.
7. Рабочий контроль за банком для обеспечения его национализации Правительством Каталонии.
8. Рабочий контроль в маленьких предприятиях.
9. Устранение безработицы.
10. Отмена косвенных налогов и введение единого налога[297].

Ради осуществления этих мер (а к концу 1936 г. часть из них уже стала реальностью) анархо-синдикалистам стоило идти на сотрудничество с Женералитатом и Народным фронтом. Никогда еще анархо-синдикалистские меры не проводились на практике в таких масштабах.

В ответ в начале 1937 г. НКТ поддержала 58 декретов Таррадельяса, включая муниципализацию городского хозяйства, создание каталонского госбанка, введение налогов, в том числе на коллективизированные предприятия. Из уважения к национальным чувствам каталонцев НКТ стала выпускать газету «Каталония» на каталонском языке. Как отмечал Антонов-Овсеенко, «до сих пор все их издания — на испанском, который все здесь, не в пример каталонскому, понимают»[298].

В этих условиях Компанис колебался, «...опереться ему на анархистов, которые согласны поддержать национальные, даже националистические требования Эскерры, или на ПСУК[299] для борьбы против ФАИ»[300]. Защищая свою власть и социальные интересы каталонской буржуазии и «среднего слоя», Компанис выбрал второе. Социальная революция оказалась страшнее для него, чем потеря самостоятельности Каталонии. Этот выбор оказался трагическим и для каталонской автономии, и для всего хода Испанской революции.

В 1936 г. в НКТ вступали даже работники Женералитата, ввергая своего патрона в состояние безысходности: «Я окружен трусами, из страха вступившими в НКТ. Отряды фаистской милиции суют свой нос повсюду, — вспоминает Д. Ибаррури о словах Л. Компаниса на встрече с коммунистами, — Мне одному приходится бороться со всем этим, и у меня нет больше сил!

Тут заговорил сопровождавший нас товарищ из ОСПК. Он напомнил Компанису, что тот не одинок, что на его стороне ОСПК и ВСТ, готовые помочь ему в установлении и удержании порядка»[301]. В этом корень противоестественного союза националиста Компаниса с коммунистами — последние оставались единственной реальной силой в Каталонии, которая могла «установить твердую власть». Компанису она виделась только как власть Женералитата. В реальности все будет иначе. В октябре 1936 г. Компанис, вероятно, вполне искренне говорил Антонову-Овсеенко: «В мире есть только две силы — фашизм и Советский Союз. Все честные и прогрессивные люди имеют только один выбор — идти с Советским Союзом. Мы выбрали и идем с вами»[302]. В начале 1937 г. Каталония двинулась к майскому

кровавому расколу.

* * *

Интегрировав НКТ в систему власти, Компанис и его сторонники стремились теперь гарантировать автономию Каталонии в рамках Испанской республики, которую хотели бы видеть в качестве федерации. Не случайно председатель конституционной комиссии Каталонии профессор Массанет интересовался конституцией СССР[303]. Конечно, это был жест вежливости в адрес советского консула. Но в то же время СССР считался союзом республик, и эта модель соответствовала чаяниям каталонского национального движения[304].

Самые смелые предложения каталонцев не были связаны с выходом из Испании, хотя и угрожали Мадриду как столице. Каталонские националисты мечтали о том, что Барселона станет столицей Испанской федеративной республики, в которой будет существовать автономия национальных систем образования, местные военные формирования[305].

Однако каталонский федерализм вызывал неприятие в Мадриде. В разговоре с Эренбургом в сентябре 1936 г. Компанис жаловался, что «новое правительство ничего не изменило, Каталонию третируют как провинцию, отказались передать духовные школы в ведение Женералите (Женералитата — разговор шел по-французски — А. Ш.), требуют солдат, а оружия не дают, не дали ни одного самолета»[306]. По словам Антонова-Овсеенко, центральное правительство «никогда не поддерживало Каталонии и именно оно ведет политику сепаратизма на основе невыносимого великодержавия»[307]. Иными словами, неуступчивость центра провоцирует сепаратизм регионов. Антонов-Овсеенко считал, что Ларго Кабальеро ведет себя бестактно в отношении Каталонии[308]. Компанис говорил Антонову-Овсеенко: «Мадрид не понимает Каталонии... Мадридские министры усиленно подчеркивают, что они — министры для всей Испании»[309], а не для одного региона. В итоге их политики Каталония стала «падчерицей» Республики при снабжении современным оружием.

Антонов-Овсеенко позволил себе заступиться за федерализм в беседе с президентом Испании, но 23 ноября 1936 г. констатировал неудачу этой попытки: «Асанья отверг мои указания о необходимости пойти навстречу националистическим стремлениям некоторых провинций, стремлениям, которые, как мне было ясно, должны были возрасти с развитием революции и ослаблением центрального правительства»[310]. Но Асанья не хотел ни того, ни другого, и интерпретировал мнение консула по-своему: «Когда президент Асанья переехал в Барселону, Антонов-Овсеенко говорил с ним и сказал, что Правительству стоило бы предупреждать националистические стремления некоторых провинций, так как они имели свойство расти по мере развития революции и ослабления центральной власти»[311].

Антонов-Овсеенко хорошо помнил, чем обернулась недооценка национального фактора во время гражданской войны на Украине в 1919 гг.[312] Он не оставлял своих попыток «вразумить» страдающих великодержавием испанских политиков. При этом советский консул считал, что в проведении своего курса он заручился поддержкой высшего советского

руководства. Он говорил Эренбургу: «В Москве считают, что в интересах Испании сближение Каталонии с Мадридом. Мне говорили, что я должен попытаться урезонить анархистов, привлечь их к обороне, у них, черт побери, огромное влияние... Да вы это знаете лучше меня. Но вот инстанция согласилась, это замечательно!»[313]

Испанские политики не желали идти на уступки в Каталонском вопросе, а министр финансов Х. Негрин и вовсе отреагировал на слова Антонова истерически. На обеде, который проходил в торговом представительстве СССР и на котором присутствовали Прието, Негрин, Таррадельяс, Абад де Сантьян, Коморера, Мальков, Антонов-Овсеенко и Сташевский, Антонов-Овсеенко стал защищать позиции каталонцев. Это вызвало реплику Негрина: «он, Антонов, больше каталонец, чем сами каталонцы», и добавил что-то о бюрократизме советского консула. Антонов резко ответил, что он «революционер, а не бюрократ». «Тогда Негрин сказал, что после слов Антонова ему остается только подать в отставку, т. к. он может бороться с басками или каталонцами, но не хочет бороться против СССР. Утверждение Антонова Негрин истолковал таким образом, будто СССР не одобряет его линию поведения, и поэтому он уходит. Действительно, на следующий день стало известно через Прието, что в тот же вечер Негрин пытался дозвониться до Кабальеро, но не нашел его. В течение обратного полета Негрин повторял всем подряд, что он не может работать в таких условиях и должен уйти»[314]. Впрочем, Негрин не ушел. Он нашел поддержку своей линии в советском посольстве, где не были согласны с советским консулом. Против активной позиции консула выступал советник посольства Л. Гайкис, который в мае 1937 г. стал послом.

При этом финансовая политика Негрина действительно создавала проблемы для Каталонии, что признает даже его апологет А. Виньяс: «Отказ в предоставлении валюты вынудил Правительство Каталонии мобилизовать собственные „резервы“ на приобретение продуктов за рубежом»[315]. Жесткая финансовая линия министра финансов подрывала экономическое единство Республики.

Советские военные советники, так же как и консул, были недовольны противоречиями Центра и Каталонии и не спешили встать именно на сторону Центра: «Недоговоренность каталонцев с центральным правительством, постоянное проявление недоверия друг к другу затягивают и срывают необходимые и полезные мероприятия»[316].

Главные противоречия, которые возникали между правительством Испании и Каталонией, были связаны с распределением оружия и боеприпасов. И это при том, что ситуация с боеприпасами становилась критической. В начале октября на бойца приходилось только до 30 патронов. Предприятия изготовили 4 миллиона гильз, но не было пороха, чтобы их набить. Мадрид направил в Каталонию только 1,5 миллиона патронов, полученных от импорта[317]. В конце октября было поставлено еще 440 тыс. патронов, но они вскоре вернулись в Мадрид вместе с дивизией Дуррути.

Возможности испанской промышленности были ограничены, тем более, что она пока только перестраивалась на военный лад. Но правительство распорядилось старыми военными запасами, а затем стало получать советскую военную помощь. Арагонский фронт претендовал на ее часть. Гарсиа Оливер в беседе с Антоновым-Овсеенко передавал ему

недоумение трудящихся: «Ты видишься каждый день с русским консулом. Где же помощь от России?» Оливер был «очень раздосадован тем, что всякая помощь минует Барселону»[318].

Антонов-Овсеенко считал, что эти политические мотивы мешают ведению войны. «На этом фронте нет танков и нет ни одного современного самолета»[319]. Военная помощь Каталонии не оказывается, хотя она «свои обязательства выполняет аккуратно (я это утверждаю)»[320].

Представитель ОСПК Пьеро конфиденциально разъяснял мотивы премьер-министра: он «отказывается дать оружие Каталонии, так как оно попадет к ФАИ. И так как дело Каталонии — только пассивная оборона»[321]. Таким образом, в центре и не рассчитывали, что Арагонский фронт сможет наступать при такой нехватке боеприпасов и бедном техническом оснащении.

Арагонский фронт

Особенностью колонн НКТ и ПОУМ была принципиальная приверженность милиционной демократии: командиры избирались, колонны поддерживали связь с организациями трудящихся в тылу, ответственными за обеспечение колонн. Культивировалось коллективистское фронтовое братство[322]. Кандидатов на свободные командные должности выдвигали комитеты подразделения[323].

Нечто подобное существовало и на других фронтах, но для анархистов милиционная самоорганизация вытекала из их принципов и воспринималась как неотъемлемая составляющая революции. Соответственно, делом принципа был и вопрос о боевых качествах милиции. Насколько боеспособна милиция и эффективны коллективизированные предприятия — настолько верны принципы анархо-синдикализма и самоуправленческого, левого социализма (и, следовательно, — ошибочны идеи коммунистов и социал-либералов). Не удивительно, что милиция Арагонского фронта оказалась в центре идеологических дискуссий.

Профессиональный военный полковник Х. де ла Бераса так оценивал анархо-синдикалистскую милицию: «С военной точки зрения — это хаос, но это хаос, который работает»[324]. Боеспособность милиции поддерживало также осознание справедливости существовавших в ней отношений. Д. Оруэлл писал о своих впечатлениях от службы в милиции: «Для испанских милиционеров, пока они существовали, существовал и некий микрокосм бесклассового общества. В этом сообществе не было никого, кто действовал бы из-под палки. Когда был недостаток всего, но не было привилегий и чиновничества, каждый получал, возможно, грубый прообраз того, как будут выглядеть начальные стадии социализма»[325].

Коммунисты и их союзники упрекали анархистов и «троцкистов» в том, что те не могут решить «легкую» задачу наступления в Арагоне. Пытаясь доказать тезис о низкой боеспособности анархо-синдикалистских формирований, один из лидеров коммунистов Д. Ибаррури писала: «Арагонский фронт оставался неподвижным на протяжении многих

месяцев»[326]. Мы увидим, что пассивность Арагонского фронта — миф. Но даже если так — пока другие фронты отступали, анархо-синдикалисты, не имея авиации и советских танков, по крайней мере смогли обеспечить устойчивость этого фронта, а вот их оппоненты позднее допустили его прорыв франкистами в 1938 г. Арагонский фронт прикрывал промышленную Каталонию и аграрный Арагон. И уже это было принципиально важно для победы.

* * *

Первоначально милиция была добровольческой. Однако уже в начале августа развернулась борьба за мобилизацию в Каталонии. Причем за нее выступили как раз анархистские лидеры Дуррути и Гарсиа Оливер, хотя для мобилизуемых не хватало оружия[327]. Но у них были иные мотивы — они опасались, что ОСПК произведет в тылу ползучий переворот. Гарсиа возмущался, кричал на Эренбурга: «В тылу укрываются коммунисты и социалисты, они выживают из городов и деревень ФАИ»[328]. С одной стороны, все силы нужно было отдавать фронту. С другой, тыловые формирования гарантировали прочность политических позиций партии или профсоюза.

ОСПК выдвинула лозунг: «Разоружение тыла». Но даже Антонов-Овсеенко считал, что этот лозунг был выдвинут «по-дурацки». Нужно было бороться за «перераспределение и оформление вооруженных сил». Ведь какие-то вооруженные силы нужно держать в тылу. Компанис тоже выступил против этого лозунга, полагая, что тыл и так уже был в достаточной степени разоружен[329]. Но каждая партия хотела быть уверенной, что пока ее бойцы сражаются на фронте, силовые структуры не помогут оппонентам переделит власть.

В тылу было около 20000 человек, ожидавших оружия (через несколько месяцев их число выросло до 40000)[330]. А его пока не было. Пришлось формировать из них три безоружные дивизии.

Большой проблемой стали «неконтролируемые»[331], действовавшие под флагом анархизма, но не подчинявшиеся НКТ и ФАИ. В октябре с фронта снялась анархистская «Железная колонна», которая отправилась в Валенсию, оправдывая свои действия тем, что в тылу у сторонников партий много вооруженных формирований, и нужно отправить их на фронт. В Валенсии погиб боец «Железной колонны», а похоронная процессия была обстреляна. Колонна ворвалась в Валенсию, разоружила республиканскую милицию и подвергла ее бойцов издевательствам[332]. Руководство НКТ взяло улаживание конфликта на себя и с большим трудом добилось преобразования «колонны» в бригаду. В итоге колонну удалось вернуть на фронт.

До поездки в Каталонию советский военный советник «Сид» был на собрании «Железной колонны», которая произвела на него впечатление «форменной банды». Он был наслышан, что и в Арагоне творится то же самое. Но слухи об арагонских анархистах не подтвердились (это полезно помнить и современным авторам, которые судят о них по слухам, распространявшимся за пределами Каталонии и Арагона). «И вот, анархистские части Каталонии сильно отличаются от этой „колонны“... — это все же воинские части, примерно, типа мадридских (с учетом их необстрелянности, элементов демократизации от сидения в

окопах и т. д.)... бойцы анархистских частей вполне годны для военных действий. Самое главное, что у них еще не утрачены наступательные настроения. Бойцы хотят воевать»[333].

В феврале 1937 г. уже митинг анархистской молодежи выступил за изъятие оружия в тылу у всех не контролируемых профсоюзами, вплоть до обысков[334]. Таким образом, анархисты — даже радикальная молодежь, не говоря уже об НКТ, — не поддерживали неконтролируемых в тылу.

В то же время под видом борьбы с «неконтролируемыми» коммунисты пытались «приручить», сделать «контролируемыми» анархо-синдикалистов в целом, обвиняя в «неконтролируемости» тех анархистов, которые вступали в конфликты с государственными структурами и компартией.

* * *

Анархо-синдикалисты выступали против создания армии, основанной на казарменной, палочной дисциплине. 9 августа митинг НКТ так отозвался на решение правительства о мобилизации: «Мы не можем быть единообразными солдатами. Мы хотим быть милиционерами свободы. На фронт — конечно. Но в казармы как солдаты, а не субъект народных сил — конечно нет!»[335]. Агитируя за милиционную систему, бойцы отрядов ФАИ писали в листовке: «Мы не признаем милитаризацию, так как она несет явную опасность. Мы не признаем чинов в воинских частях, ибо признание чинов есть отрицание анархизма. Выиграть войну — не значит выиграть революцию. В современной войне имеет значение техника и стратегия, а не дисциплина, предусматривающая подавление личности»[336].

В то же время лидеры НКТ понимали необходимость укрепления «сознательной» (то есть не слепой, не палочной) дисциплины, «не предусматривающей подавления личности» в анархо-синдикалистских отрядах, сочетания милиционных и регулярных принципов военного строительства. Гарсиа Оливер в беседе с советским консулом выступал за дисциплину в бою, но «против восстановления постоянного офицерства, этой основы милитаризма»[337]. И другие анархисты «сами заговаривают о необходимости дисциплины и единого командования»[338]. Как докладывал советский консул, «пресса, включая и анархистскую, начиная с декабря ведет систематическую кампанию за поддержку мероприятий правительства по созданию народной армии»[339]. Милиционная система вовсе не исключала дисциплины. Антонов-Овсеенко рассказывал, что когда колонна ПОУМ бежала под Тардиенте, командование требовало суда над командиром и комиссаром. Последовал отказ. А вот анархисты за то же своего командира расстреляли, о чем Антонов-Овсеенко писал с уважением[340].

При этом, как сообщали советские военные советники, партийные противоречия в милиции «на массы почти не переносятся, и в анархистских частях хорошо уживаются коммунисты и наоборот»[341].

6 августа НКТ санкционировала мобилизацию призывников в милицию. В сентябре 1936 г., принимая решение о вхождении в Женералитат, региональный пленум НКТ принял резолюцию с призывом к укреплению дисциплины, в том числе и в милиции[342]. Однако это вызывало недовольство рядовых бойцов, особенно первоначально. Как вспоминал один из командиров милиции С. Карод: «Сейчас, когда революция произошла, они не могли понять, когда я говорил о необходимости милитаризации, уважения республиканских институтов и политических партий, организации городских советов, новых органов власти. Они просто покидали колонну. Но в их родных деревнях на них оказывалось огромное давление, заставлявшее их возвращаться. Многие возвращались»[343]. Крестьянское самоуправление, как и во время Махновского движения на Украине в 1917–1921 гг., становилось не только экономическим, но и моральным тылом синдикалистских отрядов, который не давал им распадаться, несмотря на недовольство анархистской молодежи «оппортунизмом» лидеров.

При поддержке анархо-синдикалистов 24 октября 1936 г. вышел декрет Женералитата о «милитаризации» милиции, в котором говорилось: «Из уроков народной войны против фашистского движения вытекает безусловная необходимость объединить милитаризованные разнородные колонны народа, который вышел, чтобы бороться против преступного движения профессионалов-военных». Предполагалось четко определить обязанности и права бойцов. Колонны милиции должны были реорганизоваться в батальоны, роты и взводы. Вооружение должно было распределяться равномерно — независимо от партийной принадлежности. Командиры батальонов утверждались командованием (хотя низший комсостав, как и прежде, избирался бойцами). Не желающие подчиняться новым правилам и в то же время не относящиеся к мобилизуемым возрастам могут демобилизоваться, а остальной личный состав считается мобилизованным[344].

Бойцы Арагонского фронта получали 4 песеты в день и хлебный паек — 630 грамм (семейные — 6 песет)[345]. В Центральной Испании бойцы республиканской армии получали 10 песет, но снабжались хуже. Как сообщали советские советники в декабре 1936 г., «материальное положение значительно улучшилось, не может быть сравнимо с положением на Мадридском фронте»[346]. Хорошее снабжение бойцов Арагонского фронта обеспечивалось структурой коллективистской экономики, о которой речь пойдет ниже. Те части, которые связаны с НКТ, «хорошо обмундированы и имеют склады, забитые обмундированием. Другие же части с трудом добывают самое необходимое»[347].

В декабре 1936 г. милиционные колонны анархо-синдикалистов были сведены в три дивизии во главе с майорами Сансом, Ховером и Ортисом. ОСПК укомплектовала дивизию им. К. Маркса, а ПОУМ — им. В. Ленина. Под Уэской действовала также колонна итальянских интернационалистов, организованная анархистом К. Бернери (около 500 бойцов). Однако колонны милиции фактически сохранялись как боевые единицы. По советским оценкам, 67 % численности фронта составляли анархисты[348]. Командиры-анархисты находились под контролем своей политической организации. Советские специалисты сообщали, что командиры-анархисты «крепко придерживаются партдисциплины и, прежде чем приступить к выполнению приказа, они испрашивают разрешение своей партии»[349]. Естественно, что вскоре и пост военного министра Женералитата перешел к представителю НКТ Ф. Исглиесу.

В октябре на Арагонском фронте у республиканцев было 28000 штыков в 10 отрядах и 25 старых самолетов. Франкистов было вдвое меньше[350] (по другим данным — 18000)[351], но, в отличие от центрального фронта, они в Арагоне не наступали, а оборонялись, занимая укрепленные позиции. У них была мобильная резервная группа в 3000 солдат на машинах[352]. Время от времени то милиция, то франкисты проверяли позиции друг друга на прочность. Гарсиа Оливер присутствовал при одной из атак франкистов: «Несомненно, бомбардировка служила подготовкой для наступления. Они пошли в атаку без особой надежды на успех, стремясь пересечь мост. Мы обороняли мост, рядом со мной „Старичок“ со своим винчестером и Аранда с пулеметом, а у меня автомат. Наши выстрелы слились с выстрелами остальных. На мгновение показалось, что враг лавиной накатывается на нас. Участились звуки выстрелов и треск взрывающихся ручных гранат. На их стороне валились на землю мертвые и раненые. На нашей, оборонявшейся, не упал никто»[353].

3 сентября антифашисты предприняли новый штурм Уэски. Она оказалась крепким орешком — с колокольни церкви и башен замка били пулеметы, извилистые улочки были хорошо защищены. Разрушить эту оборону без тяжелой артиллерии и авиации штурмующие не смогли. Ни в это время, ни после того, когда командование перешло от анархистов к их противникам в республиканском лагере, взять Уэску и тем более Сарагосу не удалось.

Новое наступление было предпринято в октябре. В это время в Уэске оборонялось 4500 франкистов, против которых наступали около 12000 антифашистов, из них 9000 анархо-синдикалистов и 4500 коммунистов и социалистов из дивизии им. Маркса[354]. 21 октября Дуррути продвинулся на 12 км и отрезал Уэску[355]. 22 октября его бойцы ворвались в Уэску, но тут кончились патроны, и пришлось отойти. По признанию Антонова-Овсеенко, коммунисты действовали не лучше анархо-синдикалистов[356].

Во время сражения за Мадрид Арагонский фронт снова атаковал франкистов. 19–23 ноября его колонны атаковали Альмудевар юго-западнее Уэски и Бельчите, а подошли к Пердигеру северо-западнее Сарагосы[357]. Увы, желание наступать «проявляли только рядовые бойцы»[358], а командование и политики колебались (это советское свидетельство подтверждает, что милиционная организация не препятствовала активности фронта). Военный министр Сандино и начштаба фронта Гуарнер внесли в приказ о наступлении важную поправку: части должны были наступать, если успешны действия соседей. Действия дивизии Маркса были неудачны, и соседи вперед не двинулись[359]. В итоге все свелось к атаке трех пунктов — Санта Китерия, Кинто и Альмудевар[360], после чего милиция вернулась на исходные позиции.

Франкисты тоже не оставляли Арагонский фронт в покое. 17 февраля они ударили по левому крылу фронта, заняв Вивель дель Рио и Фуенферрадо в направлении угольных копей Монтальбан[361]. Но здесь были остановлены.

Прощупав противника, руководство Арагонского фронта во главе с военным советником Женералитата Ф. Исглиесом[362] (представитель НКТ, назначенный вместо Сандино) и начальником штаба В. Гуарнером пришло к выводу, что без военной техники здесь нельзя наступать[363]. Исглиес был готов провести наступательную операцию, но просил для этого у советских товарищей танки и самолеты[364].

Советские военные специалисты были недовольны, что анархисты «ссылаются на недостаток танков, самолетов и небоеспособность армии. Они преувеличивают силы противника, его технику и неприступность укреплений»[365]. Когда удалось сломить анархистскую «вольницу» и атаковать франкистов с помощью танков, самолетов и подкреплений с Центрального фронта, выяснилось, что советские военные советники недооценивали «неприступность укреплений» противника.

«Раскритиковав» анархистов, советник все-таки принял их аргументы в главном: «Чтобы выявить истинные намерения анархистов, необходимо перебросить на наш фронт хотя бы на одну операцию отряд танков и отряд самолетов истребителей»[366]. Командование весной 1937 г. не решилось на это.

«Солидарidad obrera» была недалеко от истины, когда писала 30 января 1937 г.: «На арагонском фронте не наступают потому, что не имеют средств для этого, а не получают средства потому, что на арагонском фронте и в Каталонии доминируют анархо-синдикалисты, которых всяческими средствами хотят заставить потерпеть поражение»[367].

Ей вторил и орган Арагонского совета «Новый Арагон» 31 января: «Не хватает оружия, оружия, оружия! Военный министр, если он искренен, может дать на этот вопрос обоснованный ответ... У него, вот у кого надо спросить, почему Арагонский фронт бездействует»[368].

Проблемы с поставками современного оружия в Каталонию и Арагон ухудшали отношение анархистов к Ларго Кабальеро, и особенно к его заместителю Асенсио, реально управлявшему военным ведомством, и к министерству авиации и флота Прието.

20 апреля 1937 г. пленум НКТ решил провести реорганизацию Арагонского фронта, чтобы приблизить его структуру и условия службы к другим фронтам. Одним из основных направлений этой работы должна была стать борьба с дезертирством[369]. Советские наблюдатели констатируют, что «каталонские анархисты сейчас с большей энергией занимаются приведением в порядок армии на арагонском фронте»[370].

Впрочем, даже преобразуя колонны в бригады, полки и батальоны, анархисты сохраняли демократические основы армии. Советские офицеры с опаской фиксируют «факты сохранения комитетов в некоторых уже переименованных частях, обсуждение кандидатур на офицерские должности и снятие с работы искренних сторонников реорганизации»[371]. Анархисты «стоят за уравниловку офицеров с рядовыми»[372].

Более того, «работа по реорганизации народной милиции в регулярную народную армию не уничтожила организации соединений по принципу партийности. Наоборот, она сконцентрировала силы одного и того же политического направления на определенных участках»[373].

7-13 апреля Арагонский фронт провел наступательную операцию под Каса де Бланка южнее Уэски, о которой забывают те, кто считает, будто фронт был пассивным. Удар наносился дивизией Маркса (более 2500 солдат), полутора батальонами анархо-синдикалистов и анархистской интернациональной ротой. В случае успеха планировалось перерезать

коммуникации противника между Сарагосой и Теруэлем.

7 апреля войска Арагонского фронта атаковали позиции франкистов в лоб и одновременно заняли Каса де Бланка у них в тылу. Противник частично был перебит, частью бежал. Но часть франкистов продолжала сопротивляться в полуокружении. Авиация противника беспрепятственно бомбила республиканцев.

К утру 13 апреля противник ввел в бой еще 3300 солдат и три батареи артиллерии, что уже исключало развитие республиканского наступления. «Абсолютно неправы некоторые товарищи, утверждающие, что на арагонском фронте нет сил противника. Бой показал обратное, появились вовремя резервы и по своему составу, качеству действовали отлично»[374], — комментирует советский военный специалист «Горацы». После артподготовки и авиаударов франкисты нанесли контрудар, и республиканцам пришлось отходить.

Дивизия Маркса потеряла 872 человек, из них 120 командиров. «Рядовой и оставшийся комсостав дивизии оказывал весьма большое сопротивление противнику, и его стойкость была на большой высоте»[375].

Одновременно анархо-синдикалистская дивизия атаковала франкистов севернее Уэски и отошла, потеряв 330 человек[376]. Ее удар должен был облегчить выполнение основной задачи.

«Нужно отметить, что как авиация, так и танки центрального фронта в данный момент бездействовали и, несомненно, использование их на арагонском фронте на 2-3 дня дало бы положительные результаты»[377], — пишет светский военный специалист «Горацы», фактически подтверждая аргументацию анархо-синдикалистов. Если бы такой обмен осуществился, в ответ можно было бы воспользоваться артиллерией и частью сил Арагонского фронта (до дивизии можно было перевезти автотранспортом) при проведении операции в Эстремадуре (к этим планам мы вернемся ниже).

По мнению «Горацы» операция под Касса де Бланка — «доказательство того, что арагонский фронт может действовать в существующем положении без придания каких-то отдельных технических частей или общевойсковых соединений... Что касается операций, имеющих большее значение и влияние на другие участки фронта, требуется техника и наличие вооруженных резервов.

Рассчитывать на получение последних вряд ли приходится, ибо предубежденность, не лишенная некоторого основания, к анархистам со стороны Ларго Кабальеро чрезмерно велика»[378]. Ирония ситуации заключалась в том, что как раз в это время предубежденность Ларго Кабальеро против анархистов стала проходить, а это открывало новые перспективы перед Арагонским фронтом и всей Республикой.

Правительство широкой антифашистской коалиции

Франко продвигался к Мадриду. Координация действий революционных сил, а значит, и вооруженных формирований, была организована плохо. Для того, чтобы скоординировать усилия многочисленных политических сил Республики, нужно было менять правительство.

Широкий союз левых сил, опирающийся на массовые организации, и прежде всего на профсоюзы, который возник в Каталонии, теперь был жизненно необходим в центре. Падение Талаверы поставило вопрос ребром: для согласования многочисленных региональных, партийных и социальных интересов кабинет Хиралья не годился. Поскольку Кортесы не отражали фактической расстановки сил (анархо-синдикалисты в них вообще не были представлены), правительство нужно было формировать с опорой на левые организации, пользующиеся реальным влиянием.

Президент Асанья поручил формирование правительства Ф. Ларго Кабальеро. По словам историков П. Бруэ и Э. Темиме, «участие ВСТ и поддержка НКТ должны были в нормальных условиях дать ему (правительству — А. Ш.) авторитет, которого не было у Хиралья»[379]. Асанья не без колебаний пошел на такое полевение курса[380]. Но что было делать старому либералу, когда его страна ушла еще дальше влево.

Задачей номер один для Ларго Кабальеро было вовлечь в правительство коммунистов, чтобы теснее привязать СССР к Испанской республике и в то же время обеспечить лояльность этой сплоченной партии. Позиция Коминтерна о вхождении КПИ в правительство была сформулирована 24 июля 1936 г. и допускала приход коммунистов к власти в коалиции «только в крайнем случае, если это абсолютно необходимо в целях подавления мятежа»[381].

Сталин продолжал колебаться по этому поводу до сентября. В условиях острого социально-политического кризиса политика коммунистов может оказаться неудачной, что скомпрометирует все коммунистическое движение, и без того проводящее после VII Конгресса Коминтерна «оппортунистическую» политику[382]. Приходить к власти предпочтительно на волне разгрома франкистов. В сентябре 1936 г. ситуация стала значительно хуже, чем в конце июля, и не получится ли, что коммунисты разделят ответственность за позорное поражение? Понимая суть этих колебаний, Ларго стал убеждать коммунистов в том, что они будут нести ответственность за поражение, если в решающий момент уклонятся от вхождения в правительство. «Конечно, — говорили нам, — вы остаетесь вне правительства, чтобы не компрометировать себя. Нет, вы войдете в правительство, и мы либо вместе победим, либо вместе умрем»[383]. Этот довод сработал.

4 сентября правительство Ларго Кабальеро было сформировано. Большинство в нем принадлежало ИСРП — сам Ларго, который взял также пост военного министра, близкий к нему А. Галарса[384] (министр внутренних дел), И. Прието (министр авиации и флота)[385], Х. Альварес дель Вайо[386] (иностранные дела), Х. Негрин (министр финансов). В

правительство вошли два коммуниста — В. Урибе (министр сельского хозяйства) и Х. Эрнандес (образование). Также два места получили представители ЛРП — в кабинет вошел, правда, без портфеля, экс-премьер Х. Хираль, представлявший интересы Асаньи. По одному месту получили также Республиканский союз и Эскерра.

С анархо-синдикалистами все было сложнее. Выступая на заседании секретариата ИККИ, А. Марти утверждал: «Влияние анархистов имеет решающее значение для всей страны и даже для Мадрида, где находится правительство»[387]. Ларго Кабальеро и коммунисты понимали, что привлечение этой силы в единую систему, координируемую правительством, имеет решающее значение для сопротивления франкизму. А. Марти на заседании ИККИ заявил о необходимости «втянуть в работу государственного аппарата не только Каталонии, но и всей страны, анархистов. Это повысит в них чувство ответственности и сократит безответственную критику с их стороны... Борьба с ними перед лицом фашизма — это конец. Значит, не нужно останавливаться перед тем, чтобы уступить им кое в чем, а после победы мы с ними посчитаемся, тем более, что после победы мы будем иметь сильную армию»[388]. Надежды Марти оправдались лишь частично — войдя в систему власти, анархисты продолжали проводить те же преобразования, что и раньше, и остро критиковать коммунистов за стремление остановить социальную революцию. Решающее столкновение между коммунистами и анархо-синдикалистами произошло «до победы» и подорвало шансы на нее.

В сентябре НКТ была готова войти не в правительство, а в некий «национальный совет обороны» (это словесное различие было важно для противников государственных институтов). Возможность вхождения в такой орган обсуждалась анархо-синдикалистскими лидерами в конце августа — начале сентября, во время кризиса кабинета Хиралья. Анархо-синдикалисты предложили столь радикальное переустройство политической системы, что это вызвало слухи о готовящемся государственном перевороте[389]. Впрочем, в планах анархо-синдикалистов не было ничего секретного. 18 сентября они были изложены в резолюции Национального пленума НКТ, который предложил сформировать Национальный совет обороны с реальными полномочиями и включить в него по пять представителей от ВСТ, НКТ и республиканцев (коммунисты должны были войти в Совет через ВСТ). Так была выдвинута идея создания исполнительной власти, ответственной не столько перед партиями и президентом, сколько перед массовыми организациями трудящихся. Позднее эта идея трансформируется в проект «профсоюзного правительства», к которому весной 1937 г. будет склоняться Ларго Кабальеро.

Совет должен был организовать народную милицию на основе всеобщей воинской повинности, провести социализацию промышленности и осуществлять планирование работы крупных предприятий, гарантировать свободу социальных экспериментов в деревне[390]. В сентябре 1936 г. для Ларго Кабальеро эти меры были еще слишком радикальными. Он считал, что НКТ собирается «навязать государственную структуру, основанную на неправительственных органах, которые в действительности привели бы к исчезновению республиканского государства (такое обвинение для анархо-синдикалистов звучит как похвала, ведь исчезновение бюрократического государства было их программной целью — А. Ш.). Они хотели, чтобы премьер-министр стал президентом анархо-синдикалистского государства. Он ответил, что принял власть для того, чтобы сделать все возможное для

спасения республики, а не для того, чтобы ее предать»[391]. Эти возвышенные строки были написаны уже после событий. В 1936–1937 гг. Ларго Кабальеро не исключал переустройства республиканских институтов в направлении прямой демократии. Но предложение НКТ шло куда дальше его намерений, лишало реальной власти президента, партии и правительственные органы. Осенью 1936 г. Ларго Кабальеро побоялся остаться без этой опоры, без привычной республиканской легитимности. Когда партии проигнорировали идею Национального совета обороны и сформировали обычное правительство, НКТ сначала отказалась от участия в нем.

Как говорилось в установочном материале «Солидарidad obrera» от 4 сентября 1936 г. (то есть в день формирования правительства Ларго Кабальеро), «координация сил Народного фронта и организация снабжения продовольствием при одновременном развитии коллективизации предприятий жизненно важны для достижения наших целей... Однако до сих пор это осуществлялось не регулируемым государством, а децентрализованным и немилитаризованным образом» на основе союза НКТ и ВСТ[392]. Правительство в этих условиях не нужно и даже вредно. Оно является «всего лишь слабым охранником „статус-кво“ в распределении собственности и международных финансовых интересов»[393]. Продолжая по инерции критиковать правительство, орган НКТ в целом верно определил его положение в республике — регулятор («охранник») распределения собственности (то есть соотношения экономических секторов) и отношений с миром. Располагая собственным сектором в экономике и нуждаясь в налаживании отношений с другими государствами, анархо-синдикалисты вскоре начнут претендовать на свое место в таком правительстве. Это будет логично вытекать из их решения проводить преобразования в рамках Республики.

И после образования правительства Ларго Кабальеро анархо-синдикалисты продолжили переговоры о его переименовании в Совет (Хунту), что позволило бы «войти во власть», не отказываясь от формального следования старым догматам. 30 сентября посол во Франции Л. Аракистайн сообщил Антонову-Овсеенко, «что в Мадриде оформляется под названием „хунты“ новое правительство с участием анархо-синдикалистов»[394]. Но, как рассказывал Асанья, анархисты требовали в правительстве пять мест, включая военное министерство. Последнее было неприемлемо для президента и премьера[395].

25 октября ВСТ и НКТ Каталонии заключили соглашение о сотрудничестве. Оба профсоюза выступили в поддержку коллективизации промышленности, координируемой Женералитатом, за мобилизацию в милицию, которая должна действовать под единым командованием. Сближение рабочих организаций создавало проблемы для политической системы Республики. Тыл опирался на коллективизированные предприятия, а правительство не имело с ними организационной связи. В свою очередь, Каталония и Арагонский фронт не имели прямого доступа к ресурсам правительства (включая помощь СССР) и не могли согласовывать возникающие в связи с этим вопросы в рабочем порядке. 23 октября пленум НКТ снова поставил вопрос о вхождении в систему власти на условиях, выдвинутых в середине сентября.

Но если в сентябре 1936 г. критика идеи вхождения в национальное правительство со стороны Х. Гарсиа Оливера, М. Эскосы и др. оказалась решающей, то в октябре, когда Франко приближался к Мадриду, а в Каталонии дал первые плоды опыт вхождения в

Женералитат, позиция НКТ и ФАИ продолжила сдвигаться к большей умеренности.

К этому времени правительство уже успело показать анархистам, что без золотого запаса Республики им будет трудно обойтись. Правительство отклонило запрос экономического совета Каталонии о предоставлении валюты на закупку сырья и военных материалов. Валютная проблема вызвала серьезный конфликт. В начале октября Д. Сандино и Д. Абад де Сантильян в резких выражениях требовали у президента Асаньи золото на военные нужды. Дуррути даже угрожал захватить Банк Испании, но Абад де Сантильян отговорил его от этой идеи. На всякий случай Дуррути был допущен к неофициальным испано-советским переговорам по поводу закупки оружия[396].

Тем временем франкисты вышли на подступы к Мадриду. Анархисты готовились выступить на помощь столице, и дивизия Дуррути должна была поступить в оперативное подчинение республиканскому командованию, а значит — и правительству. Ситуация требовала усиления контроля за правительством, более тесной координации действий. Вопрос о вхождении анархо-синдикалистов в правительство «встал ребром». Принципиально об этом договорились Ларго Кабальеро и генсек НКТ О. Прието.

В правительство Испании лидеры анархо-синдикалистов вошли после личных колебаний и терзаний. Ф. Монтсени позднее вспоминала об этом: «После соглашения между Ларго Кабальеро и Орасио Прието последний вернулся в Каталонию и объяснил позицию, достигнутую на переговорах, которые закончились назначением Х. Лопеса, Пейро, Гарсия Оливера и меня членами правительства. Я отказалась, Орасио Прието и Мариано Васкес настаивали. Я попросила 24 часа, чтобы обдумать это. Я посоветовалась с моим отцом (ветеран анархистского движения Ф. Уралес — А. Ш.), который, подумав, сказал: „Ты знаешь, что это значит. Фактически это значит ликвидацию анархизма и НКТ. Оказавшись у власти, ты никогда уже не освободишься от власти...“» Несмотря на это отец Ф. Монтсени все же благословил ее на вхождение в правительство[397]. Позднее она говорила: «Я, анархистка, которая отрицала государство, решила выдать ему небольшой кредит доверия, чтобы способствовать революции сверху»[398].

Идея вхождения в республиканское правительство вызвала естественную оппозицию в НКТ. 18 октября прошла конференция анархистской молодежи, на которой юные радикалы дали волю эмоциям против «соглашательства». Трех советников-анархистов назвали «тройная свинья». Под горячую руку попал и французский анархист С. Фор, которому вообще не дали говорить[399]. Однако когда пленумы НКТ одобрили вхождение в правительство, его противникам оставалось только согласиться со свершившимся фактом. Против сотрудничества выступило лишь незначительное меньшинство групп ФАИ и ФЛМ, ориентированных на газету «Носотрос». После принятия решения о вхождении в правительство недовольство курсом О. Прието возросло, и он был вынужден оставить пост секретаря. Однако делегаты пленума НКТ, недовольные оппортунизмом Прието, не поставили вопрос об уходе министров-анархистов из правительства. «Отыгравшись» на Прието, они де-факто признали правоту его курса[400].

4 ноября в правительство Испании вошли четыре представителя НКТ: Х. Лопес (министерство торговли), Х. Пейро (промышленности), Ф. Монтсени (здравоохранения), Х.

Гарсиа Оливер (юстиции). Лопес и Пейро были «триентистами», умеренными лидерами НКТ. Синдикалистам в сотрудничестве с социалистическим министерством труда предстояло обеспечить проведение в стране социально-экономических преобразований.

Новое правительство считалось правительством Народного фронта, несмотря на то, что в него вошли и представители организации, в Народный фронт официально не входившей (правда, сами анархо-синдикалисты стали отождествлять себя с Народным фронтом[401]). Кабинет Ларго Кабальеро стал правительством широкой антифашистской коалиции, которая просуществовала до мая 1937 г.

* * *

Резкий рост влияния НКТ на национальном уровне вызвал эйфорию среди анархо-синдикалистов. Иногда часть их идеологов забывала о вспомогательном характере участия в кабинете с точки зрения выполнения задач НКТ и допускала высказывания в духе государственного социализма. Так, например, «Солидарidad obrera» писала: «Государство более не представляет организма, который разделяет общество на классы», поскольку вхождение рабочих организаций «привносит в него дух масс»[402].

Также министры НКТ стали сильным лобби Каталонии в общеиспанском правительстве. Так, в декабре 1936 г. Гарсиа Оливер, Ф. Монтсени и генеральный секретарь НКТ М. Васкес говорили советскому экономическому советнику А. Сташевскому, что они поддержат составление планов поставки военной продукции, но только при условии, что будет предусмотрено часть продукции оставлять в Каталонии[403].

Эффект вовлечения НКТ в правительство скоро сказался и на экономике. Был выстроен мост взаимопонимания между синдикалистским сектором и Республикой. Сташевский отмечал, что «недоверие к центральному правительству, очень сильное в течение предыдущих месяцев, начало уменьшаться. Министр промышленности Хуан Пейро, анархист, выступал за усиление дисциплины в производстве и против роста числа комитетов»[404].

«Министр промышленности Х. Пейро, принадлежавший к умеренному крылу Национальной конфедерации труда, после получения поста министра объявил, что его целью является распространение на всю Испанию коллективизации, которая была осуществлена в Каталонии»[405]. То, что министром промышленности стал синдикалист, имело большое значение — ведь часть рабочих, выступая за ликвидацию частной собственности на их предприятиях, предпочла бы национализацию, чтобы автоматически получать зарплату от государства независимо от результатов работы. Такой исход был опасен и для финансов страны, и для эффективности производства (что подтверждают и события второй половины 1937–1938 гг.). Пейро отстаивал путь производственной демократии. Его важной заслугой является легализация коллективизации в масштабах Испании, что будет иметь важное значение, когда революция пойдет на спад, и синдикалистский сектор окажется под государственным прессингом. Министерство Пейро продолжило процесс ликвидации частной собственности — в согласии с желанием коллективов предприятий: «В январе 1937 г. в министерство поступило более одиннадцати тысяч прошений об инкаутации

предприятий, которые просили помощи в управлении»[406].

23 февраля 1937 г. министерство получило право секвестировать предприятия по всей Испании (2 марта Пейро издал приказ, определяющий порядок ликвидации частной собственности). Он предусматривал создание рабочих комитетов[407]. После отставки Пейро в мае его меры были изменены в направлении национализации предприятий, но рабочие комитеты сохранились.

Деятельность министров-анархистов в правительстве в основном носила не какой-то специфически анархический, а общедемократический характер, вписывалась в рамки социального государства. За это им доставалось от анархо-коммунистов, которым вхождение в правительство кажется бессмысленным и вредным. При этом смысл вхождения оценивается по результатам ведомственной деятельности самих министров, в то время как правительство было коллегиальным органом, и министры от НКТ получили возможность вырабатывать общий политический курс Республики.

Но прежде чем оценить этот курс, остановимся на собственно министерской работе министров-анархистов. Так уж было положено: хочешь участвовать в принятии стратегических решений, — нужно вести управленческую работу. И пока министерства не были заменены эффективной системой самоуправления, кто-то должен был ими руководить.

После прихода к руководству министерством здравоохранения Ф. Монтсени по всей стране стало вводиться бесплатное медицинское обслуживание. Развертывались новые места для больных туберкулезом, укреплялась профилактика эпидемиологических заболеваний (несмотря на войну, в это время Испанию минули эпидемии), создавались детские медицинские учреждения. Вводились новые методы спасения раненых (включая переливание крови), которые предложили медики-интернационалисты. По словам Х. Томаса, эти методы «произвели медицинскую революцию»[408]. 13 января 1937 г. Монтсени легализовала аборты.

Оказавшись во главе министерства юстиции (по-испански это слово значит как «право», так и «справедливость»), Гарсиа Оливер начал с сожжения архива обвинительных актов. Дальнейшие действия анархистов в этой области отличались большей конструктивностью. Гарсиа Оливер «боролся против спекулянтов, расширил юридические права женщин, организовал трудовые колонии для фашистов»[409]. Министерство Гарсиа Оливера провело серию общедемократических мер, включая уравнивание в правах мужчин и женщин, признание законности «свободных» (не зарегистрированных) браков, амнистию по преступлениям, совершенным до начала гражданской войны. Были отменены судебные платежи.

Министерство вело систематическую работу по наведению порядка в республиканских структурах, предотвращению внедрения в них сторонников франкистов. Соответствующее обращение министр отправил и ФАИ. Товарищи по движению, солидаризировавшись с поставленной Гарсиа целью, напомнили ему, что пока к членам организации не предъявлялось конкретных обвинений в шпионаже[410].

Одновременно Гарсиа был назначен уполномоченным правительства по формированию воинских частей. На этом посту он заслужил высокую оценку советских военных специалистов: «Совместная работа с ним в течение последних дней свидетельствует, что работа по формированию безусловно сдвинется; он весьма энергичен и в общем руководствуется здравыми устремлениями о необходимости жесткой дисциплины и централизации»[411].

Также в качестве министра Гарсиа занимался организацией военных школ. Эта работа министра-анархиста также заслужила положительные отзывы профессиональных военных. Работавший под его началом М. Бласкес вспоминал: «Мы с Кордоном вступили с ним в контакт, однако нам только и оставалось, что выполнять его инструкции. Помещения, инструкторы, оборудование — все, о чем мы могли попросить, было незамедлительно предоставлено. Оливер был неутомим. Решал все и все контролировал лично. Он углублялся в мельчайшие детали и следил за точным выполнением своих приказов. Также он интересовался расписанием слушателей и их питанием. Однако, особенно он настаивал на том, чтобы новые сотрудники проходили подготовку в условиях строжайшей дисциплины»[412]. Гарсиа потому мог оперативно решать сложные хозяйственные вопросы, что в его распоряжении была вездесущая структура НКТ. Благодаря кипучей работе Гарсиа, помимо прочего, премьер Ларго Кабальеро постепенно убеждался в деловых качествах анархо-синдикалистов. Так, он лично вместе со своим замом по военному ведомству Асенсио проинспектировал школы, создававшиеся при участии Гарсиа Оливера, и поблагодарил министра-анархиста: «Ожидал много, однако не столько и не за такое короткое время. Кажется, я понимаю, в чем секрет вашего успеха: вы верите в созидательную силу трудящихся. Что ж, я тоже»[413].

Взяв на себя задачу реформирования юриспруденции, анархо-синдикалисты занялись и реорганизацией пенитенциарной системы. Теперь уже нельзя было, как они раньше хотели, просто ликвидировать тюрьмы — нужно было решать, где содержать хотя бы военнопленных. Декрет 26 декабря 1936 г. санкционировал создание трудовых лагерей, которые были организованы в республиканской зоне в первые месяцы гражданской войны. 7 апреля 1937 г. был сформирован Национальный патронат трудовых лагерей, который осуществлял общее руководство и контроль над их состоянием[414]. Гарсиа Оливер считал, что смысл заключения — не в наказании. Он выступал за то, чтобы осужденные жили под лозунгом «Трудись и не теряй надежды»[415].

Гарсиа утверждал: «Справедливость (право) должна пылать, справедливость должна быть живой, справедливость не может быть ограничена рамками профессии. Это не значит, что мы полностью отрицаем сборники права и юристов. Но дело в том, что у нас было слишком много юристов. Когда отношения между людьми будут такими, какими они должны быть, не будет нужды красть и убивать. Прежде всего, разрешите нам допустить, здесь в Испании, что обычный преступник — не враг общества. Он преимущественно — жертва общества»[416].

В отличие от трудовых исправительных лагерей XX века, в анархо-синдикалистской пенитенциарной системе за осужденным признавались гражданские права, кроме свободы передвижения и безделья. А. Сухи во время поездки по Арагону посетил концентрационный

лагерь в Вальмуэле, контролируемый ФАИ. Здесь вместе работали и заключенные, и анархисты, одновременно охранявшие лагерь. Они строили ирригационную систему, пасли скот, занимались земледелием. Заключенные и охранники «обращались друг к другу как равные». Ограничения на встречи с родными и знакомыми были незначительны. Во время этих встреч заключенные и их посетители предоставлялись сами себе (на территории лагеря, конечно). Государство и местные власти не оказывали лагерю поддержки. По существу это был производственный коллектив, в котором вынуждены были работать и фалангисты[417]. Коммунист Э. Листер утверждает, что в этих лагерях было много и антифашистов, но конкретных примеров не приводит[418]. Это — не те республиканские тюрьмы, куда действительно отправляли антифашистов, считая их «троцкистами». Характерно, что «либертарные» лагеря продолжали существовать и после отстранения анархо-синдикалистов от правительственной власти в мае 1937 г.[419]

Получив под свое начало тюрьмы, Гарсиа Оливер отправился инспектировать ближайшие из них. Выяснилось, что многие заключенные-иностранцы не представляли перед судом, а попали в тюрьму «с приказом, гласившим: „По распоряжению командующего Центрального штаба“, подписанного Мартинесом Кабрера».

Так Гарсиа столкнулся с практикой чисток интербригад. Ларго Кабальеро, к которому отправился Гарсиа, «также ничего не знал. Я отдал ему список с именами и национальностями. Объяснил, что командующий действовал как феодальный сеньор в те времена, когда еще были сеньоры виселицы и ножа, с собственными тюрьмами, куда они заточали своих врагов. А также сообщил, что факт содержания в гражданской тюрьме военных граждан, без следствия и предъявления обвинения, выходит из ряда вон, поскольку Валенсия была местом пребывания посольств.

— Непостижимо, — сказал Ларго Кабальеро. — Хотя должен признать, что генерала Мартинеса Кабрера, выбранного по предложению Индалесио Прието, можно было бы сравнить с мулом из-за его головотяпства и упрямства. Какие решения вы приняли? Вы их выпустили?

— Не мог пойти на это, предварительно не поговорив с вами. Но я им пообещал, что завтра, чтобы предотвратить любую случайность, их отведут под охраной к французской границе»[420]. По итогам этой истории Гарсиа устроил взбучку Кабрере. Однако практика арестов интербригадистов без суда продолжалась за пределами Валенсии. Оказалось, что дело не в Кабрере, а в политическом руководителе интербригад А. Марти: «То, что происходит в бригадах, военная жизнь в них невыносима... Диктатура — вот как надо назвать это командование... Морис Торез приехал в Испанию, он увидел и понял: с Марти надо драться, и только Видадь их разнял... Марти хочет диктатуры. Марти честолюбив и хочет сыграть в Испании большую роль,» — писал в Тулон французский боец[421]. Интербригадисты жаловались, что желающих вернуться во Францию Марти отправляет в лагерь[422].

Гарсиа развернул борьбу с партийными тюрьмами, возникшими в первые месяцы революции. Формально в них содержались арестованные «фашисты», но таковыми могли объявить и политических противников. Анархисты подали пример и передали свою тюрьму

Женералитату. 58 узников при этом были освобождены[423].

Гарсиа Оливер назначил генеральным директором тюрем философа-гуманиста М. Родригеса, который стал наводить порядок в республиканских «узилищах». Режим заключения был смягчен[424].

В лагеря и тюрьмы направлялись люди, осужденные трибуналами. До создания системы лагерей трибуналы широко пользовались орудием смертной казни. Декрет 26 декабря 1936 г. упорядочил меры ответственности, предусматривая заключение в лагере вместо мер, за которые раньше давали «вышку»[425].

Упорядочение системы трибуналов, возникших в ходе революции, стало важнейшим достижением министерства юстиции во главе с Гарсиа Оливером. Хаотичность «народного правосудия» создавала множество возможностей для произвола, и министерство занялось систематическим упорядочением как методов судопроизводства, так и комплектования трибуналов. 10 и 26 декабря 1936 г. и 7 мая 1937 г. (когда участие анархо-синдикалистов в правительстве доживало последние дни) были приняты важнейшие декреты о различных категориях трибуналов. Последний декрет, разработанный наиболее тщательно, должен был поставить репрессивную силу государства под контроль всех политических сил республики, так как трибуналы должны были комплектоваться из их представителей в соответствии с определенной пропорцией (п. 74 декрета)[426]. Это должно было предотвратить саму возможность использования трибуналов в качестве орудия политической расправы.

Министерская деятельность Х. Гарсиа Оливера и Ф. Монтсени лишней раз доказала, что на пути к социализму или коммунизму необходимо сначала доделать работу социального государства. Собственно социалистическую политику «прикрытия сверху» социально-экономических преобразований проводили Х. Пейро и Х. Лопес. Однако при всей важности этой работы смысл вхождения НКТ в правительство заключался не столько в этой текущей административной работе, сколько в воздействии на политику кабинета в целом. Присутствуя в правительстве, НКТ не только защищала начавшиеся снизу преобразования, но и сдвинула политику правительства Ларго Кабальеро навстречу социальной революции, обеспечивая синтез социалистических стратегий.

Пока НКТ оставалась в правительстве, противники анархо-синдикалистского социально-экономического эксперимента не могли развернуть серьезное наступление против него. Как только НКТ покинула правительство, это наступление началось и привело к существенному свертыванию социальной революции. Пребывание НКТ в правительстве было условием сохранения той глубины революции, которая была достигнута осенью 1936 г.

После вхождения в правительство Испании синдикалисты проводили здесь относительно плюралистическую экономическую политику, которая поддерживалась Ларго Кабальеро и по существу стала основой социально-экономического курса кабинета в целом. Характеризуя этот курс, Гарсиа Оливер говорил: «У меня есть причины считать, что есть вещи, которые следует коллективизировать, потому что они могут быть коллективизированы, что также есть вещи, которые необходимо муниципализировать, потому что они не могут быть коллективизированы с точки зрения экономической эффективности или прибыльности, что

есть вещи, которые должны быть национализированы, потому что, из-за экономических обстоятельств, постоянных или временных, они не могут быть ни коллективизированы, ни муниципализированы. У меня есть причины считать, что есть вещи, которые должны оставаться в свободной эксплуатации мелких собственников и мелких промышленников. Все существующие проблемы могут быть решены хорошим правительством людей, которые работают, которые не путешествуют слишком много, которые меньше занимаются политикой и больше — решением проблем и организацией работы, которая должна быть сделана»[427]. Эта модель смешанной экономики, регулируемой «народным правительством» (с точки зрения синдикалистов — правительством представителей организованного труда), далека от радикализма принципов съезда в Сарагосе. Политика анархо-синдикалистов в правительстве осуществляла своего рода «программу-минимум», необходимость которой ранее отрицалась. Несмотря на то, что идея многосекторной экономики и «хорошего правительства» несомненно противоречила идеологии анархического коммунизма, она, тем не менее, обеспечивала большее приближение к идеалам свободы (позитивное наполнение идеи анархии) и социальной справедливости, чем запрещение и разгром тех социально-экономических и социально-политических структур, которые не укладывались в анархо-коммунистическую модель. В этом смысле отказ от радикализма и сотрудничество с другими силами в рамках государственных и рыночных структур позволял анархо-синдикалистам с большим или меньшим успехом двигаться в направлении целей, определенных в Сарагосской программе. Это не был еще либертарный коммунизм, но стал на практике возникать сектор либертарного социализма.

Версия #1

Зверобой создал 5 мая 2025 20:34:44

Зверобой обновил 5 мая 2025 20:40:19